ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 5

Сухум, 2025

УДК 93/94(050)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Н 56

Главный редактор
С.З. Лакоба

Редакционная коллегия:
Н.Д. Ашуба, А.Я. Дбар (отв. секретарь), А.Р. Латария

НЕСТОР. Альманах. № 5. Сухум, 2025. – 116 с.
Г/р 978-5-111-10022

«**Нестор**» – альманах историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Расследование

Станислав Лакоба. «Орион», германская подлодка в Гагре и тень адмирала Канариса 5

Татьяна Лакоба. Трагическая гибель парохода «Орион» в Гагре в 1916 году 9

Дневники

Адмирал Шестаков об Абхазии 31

Записки натуралиста

Владимир Вагнер и Абхазия 33

По страницам старых газет

Кн. Прокопий Леванович Шервашидзе 36

Окончательный список гласных Сухумской городской думы на четырехлетие 1907–1911 гг. 36

Списки кандидатов в гласные Сухумской городской думы на срок 1917–1919 гг. 37

Приемные часы в Совнаркоме 38

Поиски, находки

Подарок Нестора 39

Зинаида Орджоникидзе… 40

Русские писатели в Абхазии

И. Комаров. По следам Паустовского 41

Сто лет назад

Л. Троцкий. Памяти Мясникова, Могилевского и Атарбекова (Речь на траурном заседании в Сухуме 1925 г.) 49

Абхазия глазами иностранцев
Анри Барбюс. Самый старый человек на свете 57

Интервью
Агрономическая наука на службе советской Абхазии (интервью Н.И. Вавилова) 65

По страницам старых газет
Ф. Гладков, Ал. Малышкин. Псырцха 73

Литература
Георгий Саракасидис. Тика 81

Литературоведение
Владимир Зантариа. Абхазия в жизни и творчестве Василия Гроссмана 85

Мемуары
Екатерина Мищенко. Воспоминания 91
Светлана Хочолава-Воронова. Воспоминания 102
Напо Месхия о Шеварднадзе: Сухум 25 сентября 1993 года ... 104

Фотоархив 108

Хроника 109

Новые книги 111

Станислав ЛАКОБА

«ОРИОН», ГЕРМАНСКАЯ ПОДЛОДКА В ГАГРЕ И ТЕНЬ АДМИРАЛА КАНАРИСА

Вниманию читателей предлагается уникальное расследование о нападении в Гагре немецкой подлодки на русский пассажирский пароход «Орион» в 1916 году. Необходимо отметить, что в данном коллективном исследовании собраны и скрупулезно изучены кавказские материалы, а также германские, шведские и другие архивные документы. Поводом к изысканиям послужили воспоминания офицера А.Л. Маркова и командира немецкой подлодки Макса Валентинера[1], который цинично расстрелял и потопил пароход «Орион» в акватории города Гагра.

Детальной реконструкцией этой трагедии Первой мировой войны занялся в Гагре «Клуб 1903», названный в честь основания принцем А.П. Ольденбургским знаменитого курорта. По сути дела он объединил людей неравнодушных, энтузиастов, которые увлеклись местным краеведением. Вообще следует напомнить, что в начале 1920-х гг. в Гагре было основано региональное отделение Абхазского Научного Общества (АбНО), которое занималось историко-культурными и природоохранными вопросами. В пресс-релизе «Клуба 1903» отмечается, что здесь объединились люди интересующиеся историей родного города и района, его прошлым и настоящим. Группа состоит из историков, филологов, архитекторов, учителей, юристов, врачей, а также доброжелателей из других городов и стран. Помимо архивов внимание привлекают подшивки газет, семейные фотоальбомы и реликвии, устные рассказы и литературные произведения…

Что касается гибели парохода «Орион», то, по словам автора очерка врача Татьяны Зауровны Лакоба, огромную роль в тщательном расследовании этого дела, поиске и анализе самых разных документальных свидетельств, сыграл профессионал своего дела, известный юрист Давид Вахтангович Куталия.

[1] См.: Валентинер Макс. Походы викингов на U-38. Москва. 2020.

В годы Первой мировой войны (1914–1918) военные действия велись и на Черном море, где России противостояли объединенные силы германского и турецкого флотов. С октября 1914 г. связь Абхазии с Югом России была нарушена. Германо-турецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» подвергали бомбардировке российские города от Севастополя до Батума. В Абхазии в этот период не было железной дороги и ее связь с городами и портами Черноморья осуществлялась только морским путем. О появлении неприятельских крейсеров и подводных лодок, нарушающих торговые коммуникации, сообщал тогда и сухумский городской голова[1].

Командир немецкой подлодки U-38 Макс Валентинер сообщает в своих дневниках, что у берегов Абхазии он неоднократно совершал нападения на русские торговые и военные суда: в Анаклии, затем был атакован линкор «Пантелеймон», недалеко от мыса Пицунда – нападение на группу транспортов под охраной эсминцев, между Сухумом и Пицундой потоплен еще один транспорт…

Следует особо подчеркнуть, что в тот период в Пицунде располагалась тайная база немецких подлодок (скорее всего у глубоководного побережья в районе Рыбзавода). Об этой базе сообщает русский офицер А.Л. Марков (1893–1964).

Весной 1916 г., после ранения на фронте, он оказался в Абхазии. В своих «Записках о прошлом» Марков сообщает о поездке из Сухума в Гагру на небольшом пароходе «Король Альберт», который подвергся нападению подлодки в районе Эшеры. Судно выбросилось на берег. Пассажиры спешно эвакуировались, а подлодка продолжала расстреливать пароходик. Затем она быстро ушла вдоль берега в сторону сухумского маяка. «Поравнявшись с маяком, – сообщает автор, – лодка опять загрохотала и заблестела выстрелами, вся окутавшись дымом. Маяк, сразу окруженный дымками разрывов, словно задрожал, и на его белой колонке зазияли черные точки пробоин. Погремев выстрелами две-три минуты и зажегши на маяке пожар, подлодка скрылась за мысом».

Интересно в этой связи отметить и такой факт. В 2024 г. в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) мне попалось сообщение и фотографии Сухумского маяка обстрелянного и поврежденного немецкой подводной лодкой 2 мая 1916 года[2]. По сви-

[1] См.: Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921 гг. Тбилиси. 1963. С. 22.

[2] РГА ВМФ. Ф.404. ОП.3. Д.2320. Л.14–15.

Фото Сухумского маяка после обстрела и повреждения немецкой подводной лодкой 2 мая 1916 г.

детельству директора Института экологии Р.С. Дбар, на корпусе башни маяка до сих пор видны металлические заплатки, которыми прикрыты пробоины.

Нападение на этот маяк было осуществлено незадолго до потопления «Ориона», однако это была, судя по всему, другая субмарина. Вообще по архивным данным немецкого флота до 12-ти подлодок Германии оперировали в это время в Черном море. Интересен и следующий документ из РГА ВМФ, датированный началом 1917 г.: «Доклад Морского Министра Николаю II о введении штата военных временных портов-убежищ и пунктов погрузки: Гагры, Сухум на время военных действий».

Между прочим, в прекрасной статье Натальи Миловановой «Свет старого доброго маяка»[1] приведен документ о нападении подлодки на маяк более раннего времени. Получается, что он подвергался нападению субмарины 18 марта 1916 г. В результате этого обстрела повреждены маячный аппарат, часовой механизм, башня, служебные

[1] См.: Абхазский берег. 2021. № 3. С. 35.

и жилые помещения. Поломки были исправлены, и он вновь заработал… Может быть потому, 2 мая 1916 г., сухумский маяк вновь подвергся атаке?

Германские подлодки в восточной части Черного моря выполняли не только военно-боевые, но и разведывательные задачи, о чем неоднократно упоминает капитан Макс Валентинер. В различных частях побережья Грузии (Поти) и Абхазии (Анаклия) весной 1916 г. с U-38 неоднократно высаживались разведгруппы – «горские», «черкесские», «грузинские» – хорошо экипированные и вооруженные для диверсионной и подрывной деятельности в тылу. Шла подготовительная работа к прямой военной экспансии в Закавказье со стороны Турции и Германии. Спустя два года, в мае 1918 г. распалась Закавказская Федерация (ЗДФР). Меньшевистская Грузия провозгласила независимость и при поддержке кайзеровской Германии во второй половине июня 1918 г. оккупировала Абхазию, в том числе и Гагру принца Ольденбургского…

Следует коротко сказать и о персоне капитана подлодки U-38 Максе Валентинере (1883–1949). Он был награжден высшими наградами трех империй: Германской, Австро-Венгерской и Османской. Его список потопленных кораблей не смог превзойти ни один из подводных асов Второй мировой войны. Валентинер не только тщательно описывал в своем дневнике атаки подлодки на корабли противников, но и фиксировал их в виде фотографий. Знаменательно, что в 1917 г. М. Валентинер сдал U-38 следующему командиру подлодки, которым стал Вильгельм Канарис (в дальнейшем адмирал, возглавил германскую военную разведку абвер). После поражения Германии в Первой мировой войне, Валентинер долгое время скрывался под фамилией Шмидт (с документами помог Канарис), так как разыскивался англичанами будучи военным преступником. Он не поддерживал идеи нацизма и не участвовал в боевых рейдах Третьего рейха. После Второй мировой войны жил и скончался в Дании…

Татьяна ЛАКОБА

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ПАРОХОДА «ОРИОН» В ГАГРЕ В 1916 ГОДУ

Гагра начала XX века: красивый пейзаж с возвышающимися пирамидальными горами, с таинственными ущельями между их гранями, плавно изогнутой береговой линией, небольшим причалом и тропическим парком, раскинувшимся вдоль берега.

Замок на скале, красивые виллы и дачи, великолепные отели и рестораны, создают особый шарм и единый архитектурный ансамбль, проглядывая из-за буйной зеленой растительности холмов Гагрского нагорья... Ощущение умиротворения и комфорта. Все это детище принца Ольденбургского.

Однако, Гагры были местом не только аристократического отдыха и дипломатии, строгих порядков в организации и новаторских идей, но и местом интриг, зависти и предательства.

Слишком независимый, слишком влиятельный – он, Ольденбургский, мешал и своим, и чужим.

Но… обо всем по порядку.

* * *

«…28 мая 1916 года в трёх верстах от берега, на глазах всего населения Гагр, немецкая субмарина спокойно и не спеша расстреляла и утопила небольшой пароход «Орион», шедший из Гагр в Сухум. Лодка, став между берегом и пароходом в надводном положении, первыми выстрелами из трёхдюймовки отогнала его в море и в течение трёх часов, как на смотру, расстреляла и потопила. Всё население Гагр наблюдало эту картину, стоя на берегу, пока загоревшийся пароход не пошёл ко дну…»

Именно такая картина трагического события, была описана русским офицером Анатолием Львовичем Марковым в своих воспоминаниях «Записки о прошлом»[1].

Прочитав интересный материал и обнаружив неизвестные нам ранее факты из истории нашего города, решили все же заняться изучением подробностей этой трагедии

[1] (http://apsnyteka.org/3932-Markov_A_Zapiski_o_proshlom.html)

Как известно, описанные события происходили во время Первой Мировой войны.

Стремление европейских великих держав к переделу мира, к захвату новых территорий, к созданию новых сфер своего влияния повлекло за собой возникновение конфликтов, особенно обострившихся в последние годы перед началом Первой мировой войны.

По этой причине произошло разделение на два враждебных лагеря: Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария и противостоящий ему альянс Англии, Франции и России.

Чёрное море и побережье стали театром военных действий. Политическое и военное господство здесь было важнейшей целью русской политики и имело большое значение для исхода войны и дальнейшего распространения влияния на Средиземноморье и Ближний Восток.

Главной базой Черноморского флота являлся Севастополь, пунктами базирования – Одесса и Батум. Последний имел важное значение не только как пункт базирования флота, но и как транспортно-перегрузочный пункт для снабжения Кавказской армии. Кроме перечисленных укрепленных пунктов, береговые батареи были установлены у Одессы, на Тендровской косе, у Ак-Мечети, Евпатории, Ялты, Феодосии, Новороссийска, Туапсе, Сочи, Гагры, Сухума, Поти.

Боевые действия на Чёрном море начались в октябре 1914 года с бомбардировки германо-турецкими силами прибрежных российских городов, что привело к объявлению Россией войны Турции.

Чуть ранее, в августе 1914 года Германские корабли, достигли Константинополя, после чего они были переданы в состав турецкого флота, что значительно повысило его боеспособность. К тому же, в мае 1915 года немцами была создана *Константинопольская флотилия подводных лодок (U-Flottille Konstantinopel). Всего же,* в ходе боевых действий на Черном море в 1915–1917 гг. действовало в разное время в общей сложности 12 немецких субмарин.

Но какая из них стала причиной трагедии у берегов Гагры?!

Нам удалось выяснить, какая именно подлодка потопила небольшой пассажирский пароход в 1916 году.

Это была немецкая субмарина U-38, под командованием Макса Валентинера, действовавшая в Черном море с мая по сентябрь 1916 года. «Король тоннажа», уничтоживший полторы сотни судов общим водоизмещением порядка 300000 брт.

Это был известный военный преступник, на счету которого были не только пассажирские транспорты, но и госпитальные суда, которые

Макс Валентинер

он топил, пренебрегая требованиями, определенными Гаагской конвенцией, гарантировавшей неприкосновенность данному типу судов.

Как это часто бывает, преступник, после совершения злодеяния, возвращался на место событий физически или мысленно, так и случилось в этот раз. Немецкий капитан вернулся в Гагру в своих мемуарах, которые опубликовал в 1934 году.

На русский язык они были переведены и опубликованы в 2020 году под названием «Походы викингов на U-38», в переводе В.Л. Телицына.

Из мемуаров Макса Валентинера стало известно еще об одном факте, а именно, о том, что на борту данной субмарины из Константинополя в Закавказье перебрасывали группу агентов. Одна из упоминаемых им групп: «*грузинский князь и его попутчики*», естественно, без указания имен.

В бортовых (судовых) журналах U-38, которые мы получили из Федерального Архива Германии, встречаются и «…*три черкеса*». Вернемся к этому чуть ниже.

Подлодка вошла в Черное море в мае1916 года, после высадки вышеупомянутых агентов у берегов Анаклии, U-38 открыла борьбу против каботажного судоходства в восточной части Черного моря.

В своей книге Валентинер говорит о том, что в Константинополе он познакомился с неким грузинским князем, которого впоследствии берёт на борт военной субмарины U-38 с его же спутниками.

Автор уверяет читателей при этом, что не помнит ни имени князя, ни имен его компаньонов...

«*…Однажды я скучал в одной из кофеен, когда напротив меня сели двое мужчин, они не были турками, но бегло говорили на каком-то восточном языке. Один из мужчин привлек мое внимание своим узким, мужественным лицом, на котором выделялся ястребиный нос. У него были настолько располагающие глаза, что меня прямо распирало от желания вступить с ним в разговор. Но я молчал, потому что не знал, как мне ненавязчиво обратиться к ним.*

На следующий день наконец пришел приказ.

В Константинополе создавался из кавказцев грузинский легион, который должен был помогать туркам в борьбе с русскими.

Я должен был доставить несколько человек из этого легиона на Кавказ. У грузин было задание разрушать на Кавказе мосты, поджигать нефтяные месторождения и устраивать прочие диверсии.

Грузины прибыли к нам на борт, и я увидел, что начальник их группы – это тот самый вчерашний господин из кофейни. Он представился мне как грузинский князь, отлично говорил по-немецки, по-английски…»

Что касается личностей этих агентов, то относительно «грузинского князя» первое предположение сделала Гунда Владимировна Анкваб, преподаватель абхазского языка в Босфорском Университете. Используя свои знания в истории, а также профессиональную интуицию она предположила, что «князем» вполне мог быть Г.В. Мачабели. Действительно, он как никто подходит под описание, судите сами. На немецкую подлодку в ходе войны могли взять только проверенных людей, это очевидно. Из мемуаров: «*Князь «отлично говорил по-немецки...*»

Г.В. Мачабели учился в Германии и, во время учёбы в Берлинском горном институте, он был принят в Тевтонский орден.

Из другого источника, перевод с грузинского:

«*Во время Первой мировой войны Мачабели несколько раз совершал экспедиции на немецких подводных лодках и привозил в Грузию оружие из Стамбула. Параллельно вел переговоры с политическими группами в Грузии и на Северном Кавказе*».

«*У каждого диверсанта был рюкзак с гранатами, подрывными патронами и прочими боеприпасами.*

Вооружены они были до зубов», – пишет командир подлодки.

Можно ли было себя чувствовать в тылу врага уверенно, не имея весомой поддержки?!

И еще … У них были электрические фонари, которыми они подавали знак, что высадились успешно.

Знак подавали уже из леса.

И это 1916 год!

Нельзя исключить, что и в самой Гагре, совсем рядом с принцем, были люди, которые могли оказаться связанными с немецкой агентурной сетью.

Одной из таких загадочных личностей был немец-охотник Юнгенбауэр, описание которого мы встречаем у П. Борисова («Мои воспоминания о Гаграх»). Согласно его воспоминаниям, этот человек был приближён к Принцу Ольденбургскому, носил тёмно-зелёный костюм, горные ботинки с ботфортами и всегда ходил один с двуствольным ружьём, правый ствол которого был гладким, а левый - нарезным. Его видели на охоте в Жоэкварском ущелье.

После 1918 года он исчез.

Борисов не знал, куда именно он делся, но в тот же год, при грузинских меньшевиках, в Гаграх появились немецкие войска – и этот человек мог уйти с ними.

Однако фамилия «Юнгенбауэр» отсутствует в немецких источниках, что наводит на мысль о псевдониме или ошибочном воспроизведении имени. Возможно, это было кодовое имя или прозвище, использованное для сокрытия настоящей личности.

Открытые вопросы:

Был ли он действительно охотником или выполнял иную миссию?

Почему его имя больше нигде не встречается?

Если он действительно имел немецкое происхождение, мог ли он быть связующим звеном между немецкой агентурой и событиями в Гаграх?

Этот человек остаётся загадкой, а его исчезновение – ещё одним неразгаданным эпизодом в истории разведывательных игр вокруг Принца Ольденбургского.

Следующая фигура – адъютант Норманн.

Этим адъютантом при Принце был Евгений Норманн, вольноопределяющийся, почти постоянно находившийся в Гагре:

«…*Норманн был тощий, как скелет, молодой человек из правоведов, лечившийся от злоупотребления морфием, почему первое*

время состоял под неусыпным надзором. О нём тогда ходили уже слухи как о человеке, связанном с немецкой разведкой». Так пишет А.Л. Марков. И далее «…*слухи о связи этого последнего с немцами имели под собой самые серьёзные основания, так как, когда впоследствии немцы на короткое время заняли Гагры, Норманн появился в немецкой военной форме*».

Позднее и Фазиль Искандер в романе «Сандро из Чегема» коснулся вскользь этой темы:

«Александр Петрович не любил своего адъютанта, считая его шалопаем и бездельником. Он бы давно его выгнал, но, подозревая, что адъютант отчасти следит за ним и время от времени доносит на него в Петербург, нарочно из гордости продолжал оставлять его при себе…»

Получается, что Военная контрразведка Российской Империи знала о деятельности Е.Е. Норманна, но не трогала, так как он был даже не креатурой Его Высочества Принца А.П. Ольденбургского.

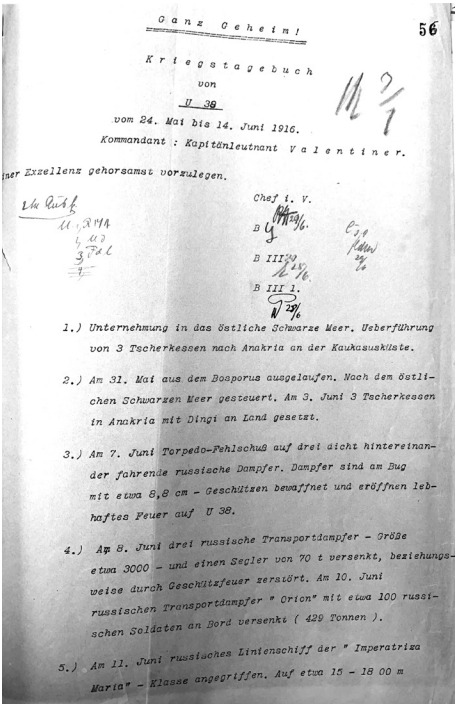
Вернемся к А.Л. Маркову и его «Запискам о прошлом», где по поводу работы немецкой разведки сказано следующее «…*Надо сказать, что немецкая разведка работала в те времена по всему Черноморскому побережью как нельзя более успешно и энергично. Как потом выяснилось, рядом с Гаграми на мысу Пицунда у немцев даже имелась база для подводных лодок. Условия природы, т.е. пустынные горы, заросшие лесом, всем этим предприятиям очень способствовали. С вершин гор, из лесной чащи немецкие агенты вели сигнализацию для руководства субмарин путём световых сигналов, видных с моря, но совершенно незаметных с берега…»*

И, если сигнальщики работали в горах, то у «князя» или других агентов должны были быть очень серьёзные связи в Абхазии, обеспечивающие свободное и надежное перемещение вооруженной диверсионной группы .

При исследовании бортовых журналов, а также военных дневников с подлодки U-38, предоставленных нам архивами Германии, найдены и расшифрованы записи о высадке диверсионной группы 3 июня 1916 года.

Перевод части текста :

«Совершенно секретно!



Ganz Geheim! 56

Kriegstagebuch
von
U 38
vom 24. Mai bis 14. Juni 1916.
Kommandant : Kapitänleutnant Valentiner.

ner Exzellenz gehorsamst vorzulegen.

Chef i. V.
B
B III
B III 1.

1.) Unternehmung in das östliche Schwarze Meer. Ueberführung von 3 Tscherkessen nach Anakria an der Kaukasusküste.

2.) Am 31. Mai aus dem Bosporus ausgelaufen. Nach dem östlichen Schwarzen Meer gesteuert. Am 3. Juni 3 Tscherkessen in Anakria mit Dingi an Land gesetzt.

3.) Am 7. Juni Torpedo-Fehlschuß auf drei dicht hintereinander fahrende russische Dampfer. Dampfer sind am Bug mit etwa 8,8 cm - Geschützen bewaffnet und eröffnen lebhaftes Feuer auf U 38.

4.) Am 8. Juni drei russische Transportdampfer - Größe etwa 3000 - und einen Segler von 70 t versenkt, beziehungsweise durch Geschützfeuer zerstört. Am 10. Juni russischen Transportdampfer " Orion" mit etwa 100 russischen Soldaten an Bord versenkt (429 Tonnen).

5.) Am 11. Juni russisches Linienschiff der " Imperatriza Maria" - Klasse angegriffen. Auf etwa 15 - 18 00 m

Военный дневник подводной лодки U 38
С 24 мая по 14 июня 1916 года
Командир: капитан-лейтенант
Валентинер.
Документ для представления его превосходительству.
Записи о боевых действиях:
1. Операция в восточной части Чёрного моря
• Переправка 3 черкесов в Анакрию [Анаклию] на Кавказское побережье.
2. 31 мая
Выход из Босфора.
Следование в восточную часть Чёрного моря.
3 июня: высадка 3 черкесов на берег в районе Анакрии [Анаклии] на шлюпке…»

Конечно же группа, занимавшаяся в военное время диверсионной работой, в случае достижения желаемого результата способна

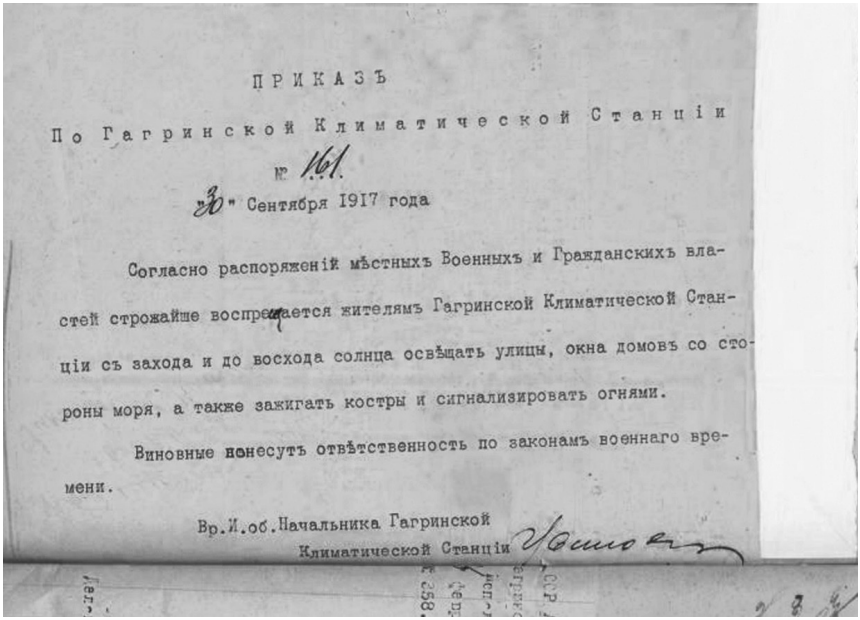
причинить противнику не меньший урон, чем боевые действия частей и соединений, и конечно же должна была иметь надежных покровителей и проводников

Кстати говоря, изучая документы, найденные в государственном архивном управлении республики Абхазии, при активном участии Марины Зауровны Авидзба, был найден приказ по климатической станции №161, запрещающий каким-либо образом сигнализировать в ночное время (1917 г.), что еще раз подтверждает тот факт, что разведывательная работа диверсионных групп шла достаточно активно в этом регионе.

Что же касается самого Г.В. Мачабели, небольшая справка о его происхождении. Из книги «Абхазские народные историко-героические сказания» (Сухум, 1987 г.).

Здесь приводится родовое предание, рассказанное Шалвой Мачабели из села Тамарашен (Цхинвальский район ЮО). Вот что было записано с его слов:

«*Мачабели по происхождению были из рода Ачба из Абхазии. Но из-за кровной мести и междоусобицы один из Ачба сбежал из Абхазии и укрылся в селении Хеит. Этот Ачба был знатным мастером*



ПРИКАЗЪ

По Гагринской Климатической Станціи

№ 161.

"30" Сентября 1917 года

Согласно распоряженій мѣстныхъ Военныхъ и Гражданскихъ властей строжайше воспрещается жителямъ Гагринской Климатической Станціи съ захода и до восхода солнца освѣщать улицы, окна домовъ со стороны моря, а также зажигать костры и сигнализировать огнями.

Виновные понесутъ отвѣтственность по законамъ военнаго времени.

Вр.И.об.Начальника Гагринской
Климатической Станціи

по изготовлению кольчуг. Там где он поселился, все его полюбили за неутомимость и мастерство». Вскоре враги нападают на Грузию и Ачба «во главе своих сыновей влился в грузинское войско. В одной из ожесточенных битв погибают все представители семьи, кроме одного из сыновей. За помощь в борьбе с врагами грузинский царь щедро наградил оставшегося в живых Ачба, подарив ему земли и построив крепость на месте современного селения Ачабет. С тех пор крепость стали называть Ачабетис-цихе (замок Ачба), а самого Ачба возвели в княжеское достоинство. И фамилия его стала Мачабели», – заключает свое повествование Шалва Мачабели. Таким образом, представитель абхазского рода Ачба становится князем Мачабели. Следовательно, вполне мог пользоваться доверием в среде абхазской знати и не только.

В книге Макс Валентинер пишет, что часть грузин побоялись высадиться на берег. И «*грузинский князь*» (предположительно князь Г.В. Мачабели) *достал оружие и пригрозил убить, в случае неподчинения. И они были вынуждены исполнить его приказ.*

Однако, есть воспоминания М.Церетели, в которых упоминается похожий эпизод, где он (Церетели) перед посадкой в субмарину в Стамбуле сам хотел вернутся обратно, так как им «овладел неожиданный страх». Но князь Г.В. Мачабели пригрозил его убить. Так как у него не возникло никаких сомнений в исполнении своей угрозы, то М. Церетели был вынужден ему подчиниться. В этом автор сам признаётся.

Как видно из двух очень схожих эпизодов, описанные места действия и обстоятельства, заметно разнятся .

Неужели М. Церетели, который не скрывал своего страха и описал этот эпизод, как произошедший в Стамбуле перед посадкой, не помнил где и при каких обстоятельствах поступила угроза убийства? Вряд ли. Видимо, отдавая должное мужеству князя Г.В. Мачабели, Валентинер хотел показать его характер, но из-за цензуры сознательно изменил обстоятельства и место происшествия. Капитан субмарины нигде не указывал имен. Скорее всего, это было сделано совершенно осознанно, учитывая, все-таки факт принадлежности описываемых личностей к немецкой агентурной сети и невозможностью их рассекретить.

Более того, на момент издания мемуаров Мачабели был жив и ушел из жизни через год, из-за болезни легких.

Еще из одного источника было установлено, что с М. Церетели и Г. Мачабели в одной экспедиции был и Амашукели.

Скорее всего речь идет о Грузинском комитете, также известном как Комитет за независимую Грузию. Это была политическая

организация, основанная в 1914 году грузинскими иммигрантами и студентами в Германии во время

Первой Мировой войны, членами которой были и Мачабели, и Церетели. Филиалы комитета располагались в Австро-Венгрии и в Османской империи.

Таким образом нам стали известны имена диверсантов, переброской которых занималась печально известная U-38.

Есть фото Г.В. Мачабели перед посадкой на подлодку.

После окончания войны, когда Грузия ненадолго обрела независимость, Мачабели, в качестве грузинского посла отправился в Италию, однако, после установления советской власти в Грузии в 1921 году, он предпочел не возвращаться на родину, переехал с женой в США, где наладил

парфюмерный бизнес, открыв в Нью-Йорке роскошный салон для приема богатых клиентов. Это наводит на мысль, что князь продолжал работать на разведку: шикарный салон, итальянка жена – актриса немого кино, информированные клиенты, их жены и любовницы – идеальные условия для получения информации.

Но вернемся к «Ориону».

Чтобы точно его идентифицировать, был отправлен запрос в морской музей Швеции Sjöhistoriska museet, где должны храниться чертежи и документы компании Bergsunds mekaniska verkstad. Архивариус указанного музея г-жа Мария Бринг активно помогает в исследовании этого вопроса.

*Стало известно, что судовладелец «Ориона» Григорий Георгиевич Саранди*наки, из семьи известных судовладельцев и предпринимателей. По имеющимся данным: владел только одним пароходом «Орион», 1860 года постройки.

Были собраны документальные свидетельства, в том числе из Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), подтверждающие технические характеристики парохода «Орион». Согласно архивным данным, судно было построено в 1860 году на верфи Bergsunds mekaniska verkstad в Стокгольме и в 1899 году продано в Российскую Империю.

Технические характеристики судна:

Полная вместимость: 429 тонн

Чистая вместимость: 258 тонн

Длина: 168,15 фута

Ширина: 23,80 фута

Осадка: 8 футов (без груза), 10 футов (с грузом)

Двигатель: вертикальная двухцилиндровая паровая машина мощностью 400 л.с.

Котел: огнетрубный, с обратной топкой

Топливо: каменный уголь

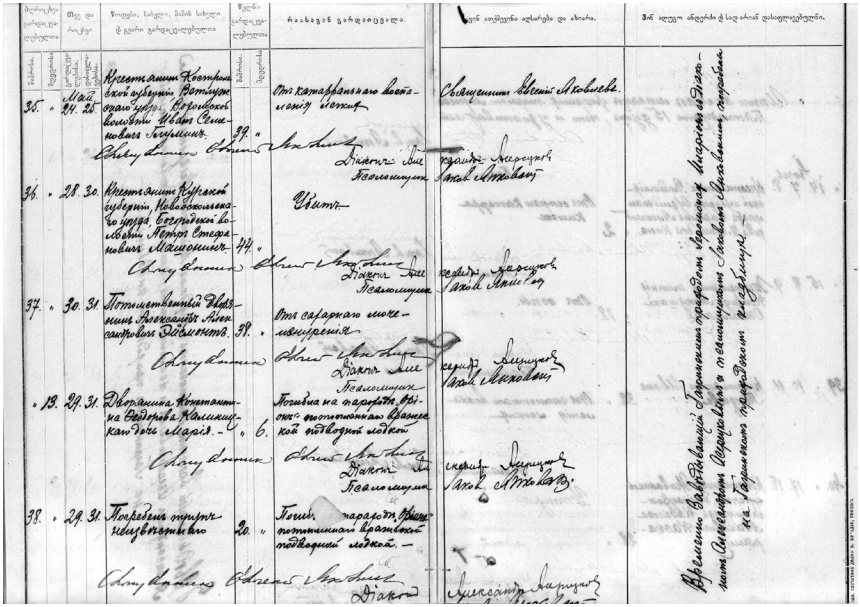
Скорость: 9 1/2 узла

Радиотелеграф: отсутствовал

Представилась возможность ознакомиться и с церковными книгами Гагрского храма за 1914–1916 годы, в которых мы надеялись найти отражение произошедшей трагедии.

В этих церковных записях были обнаружены первые жертвы потопления Ориона: под номерами 37 и 38 зафиксированы записи о гибели девочки, Марии Кальницкой, 6 лет, дочери дворянина

Константина Федоровича Кальницкого, и вторая жертва – неопознанный молодой человек 20-ти лет. Обе записи датированы 28 Мая 1916 года, где в графе «причина смерти» указана гибель на пароходе «Орион» от действий вражеской подлодки.



В архивах была найдена и опубликована копия Приказа Климатической станции Гагры от 6 июня 1916 года, № 185, в котором содержится информация о членах экипажа «Ориона», список пассажиров, пострадавших в результате атаки немецкой подлодки, а также список погибших, имена которых не совпадали с данными полученными нами при исследовании церковных записей, а скорее всего дополнили печальные ряды еще тремя жертвами – девочка Ольга Хмарых, 9 лет, турецкоподданый Х. Джадяшко 30 лет и электротехник парохода «Орион» Михаил Немыко, 26 лет.

Все трое, по сообщению из приказа были извлечены из воды мертвыми.

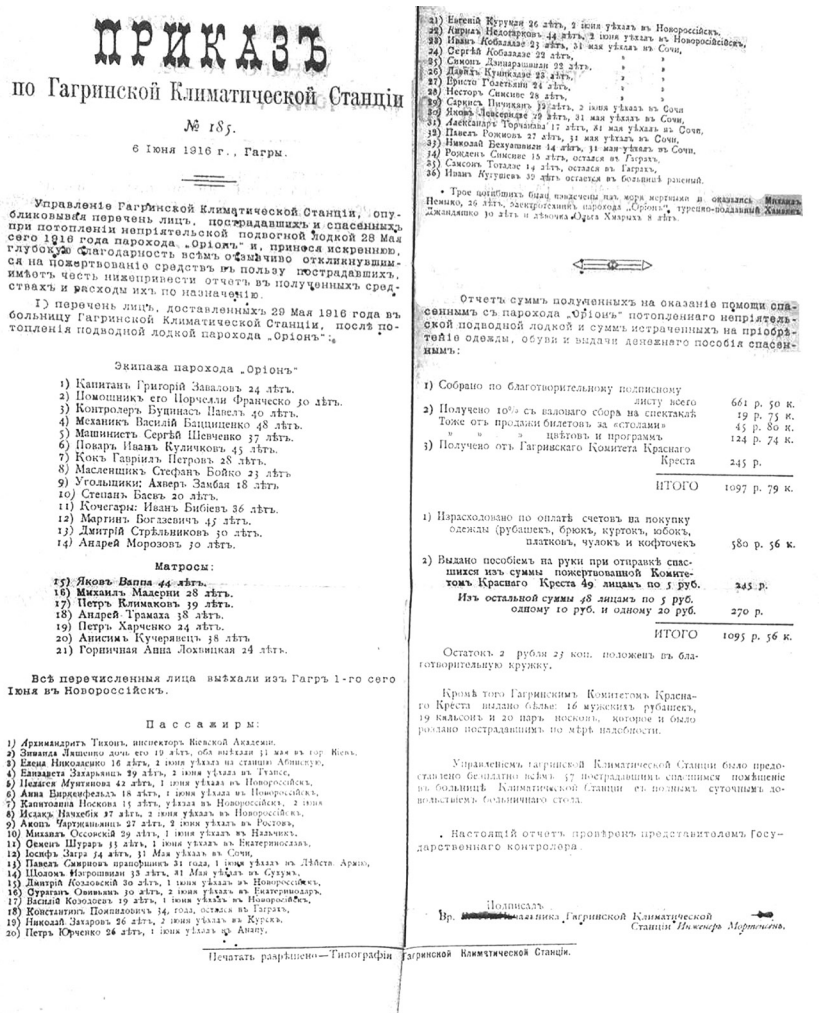
Остальные пострадавшие и члены экипажа перечислены в приказе с указанием места их отправки, после оказания помощи в больнице Климатической станции Гагры.

Так же в приказе было отражено участие Гагринского Комитета Красного Креста в оказании помощи пострадавшим.

В итоге получалось, что 57 спасенных и 3 жертвы в соответствии с Приказом.

По церковным книгам – 2 жертвы.

Всего 62 человека по двум архивным документам (57 выживших и 5 погибших).



ПРИКАЗЪ

по Гагринской Климатической Станціи

№ 185.

6 Іюня 1916 г., Гагры.

Управленіе Гагринской Климатической Станціи, опубликовывая перечень лицъ, пострадавшихъ и спасенныхъ при потопленіи непріятельской подвогной лодкой 28 Мая сего 1916 года парохода „Оріонъ" и, принося искреннюю, глубокую благодарность всѣмъ отзывчиво откликнувшимся на пожертвованіе средствъ въ пользу пострадавшихъ, имѣетъ честь нижепривести отчетъ въ полученныхъ средствахъ и расходы ихъ по назначенію.

I) перечень лицъ, доставленныхъ 29 Мая 1916 года въ больницу Гагринской Климатической Станціи, послѣ потопленія подводной лодкой парохода „Оріонъ":

Экипажа парохода „Оріонъ"

1) Капитанъ Григорій Заваловъ 24 лѣтъ.
2) Помощникъ его Порчелли Франческо 30 лѣтъ.
3) Контролеръ Буцинасъ Павелъ 40 лѣтъ.
4) Механикъ Василій Бацциценко 48 лѣтъ.
5) Машинистъ Сергѣй Шевченко 37 лѣтъ.
6) Поваръ Иванъ Куличковъ 45 лѣтъ.
7) Кокъ Гавріилъ Петровъ 28 лѣтъ.
8) Масленщикъ Стефанъ Бойко 23 лѣтъ
9) Угольщики: Ахверъ Замбая 18 лѣтъ
10) Степанъ Баевъ 20 лѣтъ.
11) Кочегары: Иванъ Бибіевъ 36 лѣтъ.
12) Мартинъ Богдзевичъ 45 лѣтъ.
13) Дмитрій Стрѣльниковъ 30 лѣтъ.
14) Андрей Морозовъ 30 лѣтъ.

Матросы:

15) Яковъ Ваппа 44 лѣтъ.
16) Михаилъ Мадерни 28 лѣтъ.
17) Петръ Климаковъ 39 лѣтъ.
18) Андрей Трамаха 38 лѣтъ.
19) Петръ Харченко 24 лѣтъ.
20) Анисимъ Кучерявецъ 38 лѣтъ
21) Горничная Анна Лохвицкая 24 лѣтъ.

Всѣ перечисленныя лица выѣхали изъ Гагръ 1-го сего Іюня въ Новороссійскъ.

Пассажиры:

1) Архимандритъ Тихонъ, инспекторъ Кіевской Академіи.
2) Зинаида Ляшенко дочь его 19 лѣтъ, оба выѣхали 31 мая въ гор. Кіевъ.
3) Елена Николаенко 16 лѣтъ, 2 іюня уѣхала на станцію Абинскую,
4) Елизавета Захарьянцъ 29 лѣтъ, 2 іюня уѣхала въ Туапсе,
5) Пелагея Мунтянова 42 лѣтъ, 1 іюня уѣхала въ Новороссійскъ,
6) Анна Биркенфельдъ 18 лѣтъ, 1 іюня уѣхала въ Новороссійскъ,
7) Капитолина Носкова 15 лѣтъ, уѣхала въ Новороссійскъ, 2 іюня
8) Исаакъ Начхебія 27 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Новороссійскъ,
9) Акопъ Чартжаньянцъ 27 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Ростовъ,
10) Михаилъ Оссовскій 29 лѣтъ, 1 іюня уѣхалъ въ Нальчикъ.
11) Семенъ Шураръ 33 лѣтъ, 1 іюня уѣхалъ въ Екатеринославъ,
12) Іосифъ Загра 54 лѣтъ, 31 Мая уѣхалъ въ Сочи,
13) Павелъ Смирновъ прапорщикъ 31 года, 1 іюня уѣхалъ въ Дѣйств. Армію,
14) Шоломъ Изгрошвили 33 лѣтъ, 31 Мая уѣхалъ въ Сухумъ,
15) Дмитрій Козловскій 30 лѣтъ, 1 іюня уѣхалъ въ Новороссійскъ,
16) Сураганъ Овивьянъ 30 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Екатеринодаръ,
17) Василій Козодоевъ 19 лѣтъ, 1 іюня уѣхалъ въ Новороссійскъ,
18) Константинъ Помпиловичъ 34, года, остался въ Гаграхъ,
19) Николай Захаровъ 26 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Курскъ,
20) Петръ Юрченко 26 лѣтъ, 1 іюня уѣхалъ въ Анапу,
21) Евгеній Курумли 26 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Новороссійскъ,
22) Кирилъ Недогарковъ 44 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Новоросійсійскъ,
23) Иванъ Кобаладзе 23 лѣтъ, 31 мая уѣхалъ въ Сочи,
24) Сергѣй Кобаладзе 22 лѣтъ, » »
25) Симонъ Дзинарашвили 22 лѣтъ, » »
26) Давидъ Куникадзе 23 лѣтъ, » »
27) Еристо Голетьяни 24 лѣтъ, » »
28) Несторъ Симсиве 28 лѣтъ, » »
29) Саркисъ Пичиканъ 32 лѣтъ, 2 іюня уѣхалъ въ Сочи
30) Яковъ Левсеридзе 29 лѣтъ, 31 мая уѣхалъ въ Сочи,
31) Александръ Торчанава 17 лѣтъ, 31 мая уѣхалъ въ Сочи,
32) Павелъ Рожновъ 27 лѣтъ, 31 мая уѣхалъ въ Сочи,
33) Николай Бехуашвили 14 лѣтъ, 31 мая уѣхалъ въ Сочи,
34) Рожденъ Симсиве 15 лѣтъ, остался въ Гаграхъ,
35) Самсонъ Тотадзе 14 лѣтъ, остался въ Гаграхъ,
36) Иванъ Кугушевъ 39 лѣтъ остается въ больницѣ раненый.

• Трое погибшихъ были извлечены изъ моря мертвыми и оказались Михаилъ Немыко, 26 лѣтъ, электротехникъ парохода „Оріонъ", турецко-подданный Хамзинъ Джандяшко 30 лѣтъ и дѣвочка Ольга Хмарыхъ 8 лѣтъ.

Отчетъ суммъ полученныхъ на оказаніе помощи спасеннымъ съ парохода „Оріонъ" потопленнаго непріятельской подводной лодкой и суммъ истраченныхъ на пріобрѣтеніе одежды, обуви и выдачи денежнаго пособія спасеннымъ:

1) Собрано по благотворительному подписному листу всего	661 р. 50 к.
2) Получено 10% съ валоваго сбора на спектаклѣ	19 р. 75 к.
Тоже отъ продажи билетовъ за «столами»	45 р. 80 к.
» » » цвѣтовъ и программъ	124 р. 74 к.
3) Получено отъ Гагринскаго Комитета Краснаго Креста	245 р.
ИТОГО	1097 р. 79 к.
1) Израсходовано по оплатѣ счетовъ на покупку одежды (рубашекъ, брюкъ, куртокъ, юбокъ, платковъ, чулокъ и кофточекъ	580 р. 56 к.
2) Выдано пособіемъ на руки при отправкѣ спасшихся изъ суммы пожертвованной Комитетомъ Краснаго Креста 49 лицамъ по 5 руб.	245 р.
Изъ остальной суммы 48 лицамъ по 5 руб. одному 10 руб. и одному 20 руб.	270 р.
ИТОГО	1095 р. 56 к.

Остатокъ 2 рубля 23 коп. положенъ въ благотворительную кружку.

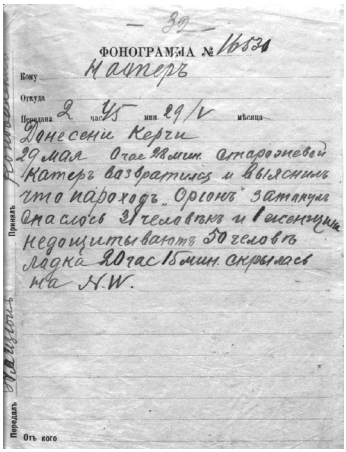
Кромѣ того Гагринскимъ Комитетомъ Краснаго Креста выдано бѣлье: 16 мужскихъ рубашекъ, 19 кальсонъ и 20 паръ носковъ, которое и было роздано пострадавшимъ по мѣрѣ надобности.

Управленіемъ гагринской Климатической Станціи было предоставлено безплатно всѣмъ 57 пострадавшимъ спасшимся помѣщеніе въ больницѣ Климатической Станціи съ полнымъ суточнымъ довольствіемъ больничнаго стола.

Настоящій отчетъ провѣренъ представителемъ Государственнаго контролера.

Подписалъ
Вр. [redacted]альника Гагринской Климатической Станціи *Инженеръ Мортенсенъ.*

Печатать разрѣшено—Типографія Гагринской Климатической Станціи.



ФОНОГРАММА № 16531

Кому Каперъ

Откуда

Передана 2 часъ 45 мин. 29/V мѣсяца

Донесени Керчи

29 мая Отъ 2 часъ 30 мин. Старостиной

Катеръ возвратился и выяснилъ

что пароходъ „Орионъ" затонулъ

Спаслось 31 человѣкъ и 1 женщина

недощитываютъ 50 человѣкъ

Лодка 20 час 15 мин. скрылась

на N.W.

Принялъ

Передалъ

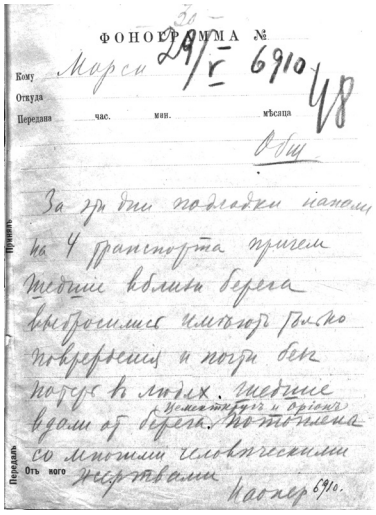
От кого

По другому документу, полученному из РГА ВМФ (донесение от сторожевого катера от 29 Мая 1916 года) погибло 50 человек, а спаслось 31 и 1 женщина, то есть всего 82 человека на борту «Ориона».

В еще одном документе полученном из госархивов ВМФ есть фонограмма от 29 мая, в которой отмечается потопление, шедших далеко от берега «Орион» и «Цементкруг» с многочисленными потерями в людях.

Остается много вопросов по количеству жертв, так как данные различных архивных документов разнятся, не говоря уже о информации, которая содержится в воспоминаниях Макса Валентинера. Последний и вовсе сообщает о большом количестве военных на палубе Ориона

«…*Над морем раздался наш предупредительный выстрел.*
Транспорт попытался сперва уйти к берегу. – Еще выстрел!
Теперь он послушно останавливается.
Мы подходим, на палубе парохода полно военных.»



ФОНОГРАММА № 6910

Кому Морск

Откуда

Передана час. мин. мѣсяца

За три дня подлодки напали на 4 транспорта причем тащили вблизи берега выбросились немногие только потерпѣвшіе и погиб большой потерь в людях. Свидѣтели (немногіе) вдали от берега. Потопленія со многими человѣческими жертвами

Принялъ

Передалъ

От кого

Макс Валентинер явно преувеличил, пароход был пассажирский и не представлял никакой военной угрозы, однако был безжалостно расстрелян немецкой подводной лодкой U-38 под командованием капитан-лейтенанта Макса Валентинера. Он осознанно атаковал безоружное гражданское судно, что привело к гибели мирных людей.

Изучив записи бортовых журналов, были выяснены детали атаки, ее время, расположение атакующего судна.

Сопоставив данные из мемуаров Валентинера и судовых журна-

лов можно восстановить картину трагедии, с учетом документальной правды и попытки представить автором мемуаров убийство мирных людей как военный успех.

«Однажды утром мы проходили мимо морского курорта Гагры, разумеется, под водой. Наш перископ торчал из воды, словно поплавок. Все было погружено в глубокий мир.

На пляже и в воде резвились здоровые и элегантные люди в ярких купальных костюмах.

Прямо перед нами плыли красивая девушка и молодой человек.

Я сначала дал Мендландту взглянуть в бамбуковую трубу.

«Да здесь прямо бурлит жизнь!» – сказал он и не хотел больше отходить.

«Таких гигантских отелей я вовсе не ожидал, жаль только, что не играет пляжный оркестр.»

Я дал всем моим людям по очереди взглянуть через перископ. Я стоял рядом и радовался их просветленным лицам. Мысль о том, что красивые девушки в воде принадлежат к вражеской стороне, не уменьшала их очарования. Дамы были очень высоко оценены. Только один резервный унтер-офицер не обратил на девушек внимания.

«Очень хорошо, – воскликнул он, – так это Гагры.» И затем, не отрывая глаз от перископа, он прочитал нам техническую лекцию. Он вел себя как нечто среднее между экскурсоводом и инженером.

Дело в том, что он долгое время работал техническим сотрудником немецкой фирмы в Гагре и помогал строить канатную дорогу, которая шла из джунглей к побережью.

«Этот красивый замок там, напротив, принадлежит герцогу Ольденбургскому», – объяснил он, завершив свои разъяснения…»

«…Мы развернулись, я заметил транспортное судно без сопровождения…»

Далее Валентинер описывает, как он, обнаружив транспортное судно, решил сэкономить торпеды и атаковать его с помощью палубной пушки. Он разместил U-38 между транспортом и берегом, лишив судно возможности уклониться или выброситься на берег. После нескольких выстрелов по транспортному судну и береговым объектам, экипажу «Ориона» было предложено покинуть судно и добраться вплавь до берега.

Таким образом, курс подводной лодки U-38 перед атакой составлял 150°, что соответствовало её движению на юго-восток вдоль побережья.

Широкий сектор обстрела палубной пушки позволял эффективно поражать цели, находящиеся в различных направлениях относительно лодки.

Далее:

«*Мой предупредительный выстрел прозвучал над водой.*

Транспорт сначала попытался быстро взять курс на берег. –

Еще один выстрел.

Теперь он остановился и сдался.

Мы подошли ближе, палуба транспорта кишела солдатами.

И тут мы неожиданно получили огонь в спину.

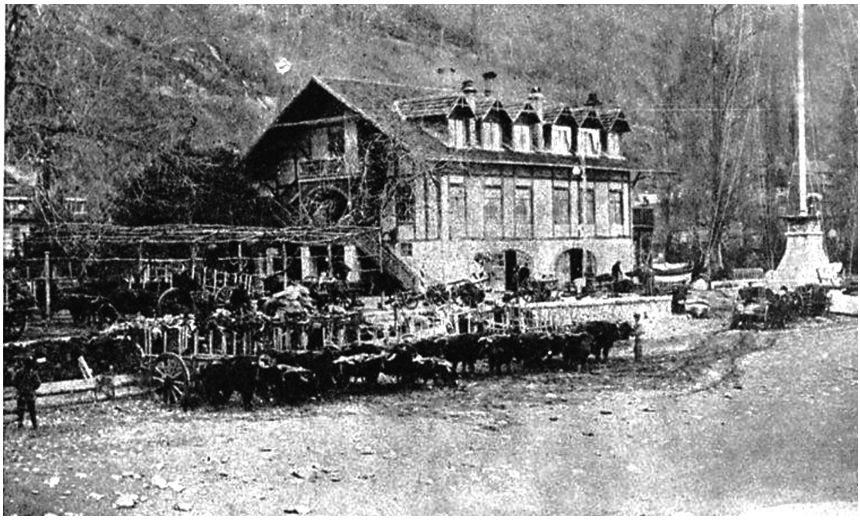
Что это ещё такое? Гагры ведь – это курорт, а не крепость. Там нечего было делать.

Но на берегу была установлена батарея и она начала палить по нам из всех орудий. Безумие.

Прямо за их батареей возвышались гигантские отели.»

Беря во внимание, что действительно, батарея пушек и сигнальная мачта, выполнявшая роль наблюдательного поста во время войны, располагались перед зданиемФелюжной станции, а на возвышенности за ними находилась гостиница, пристроенная в 1910–1913 годах к дворцу принца Ольденбургского, что полностью соответствует описанию Макса Валентинера и имеющейся фотографии.

Но вряд ли Макс Валентинер не знал об этом.



Конечно, знал. Более того, мы прекрасно помним, что на борту подлодки находился человек, который ранее работал у Принца А.П. Ольденбургского по устройству канатной дороги выше Временной гостинице.

На этой фотографии, сделанной, видимо, накануне Первой Мировой войны, мы видим деревянный мостик, соединяющий Фелюжную станцию и Сигнальную мачту, что говорит о наличии организованной сигнальной службы. Об этом также упоминает П.И. Борисов(«Мои воспоминания о Гаграх»), описывая устройство морским ведомством радиорубки, инвентарь сигнальной мачты и налаженную работу, в том числе по учету судов, заходивших в Гагры.

Вот что пишет капитан подлодки о начале атаки :

«Ранее, когда мы осматривали Гагры, мы, конечно, не видели батарею. Но стрелять по нам было безумием. Они не попадали, их выстрелы ложились слишком коротко, но принять за данность, что мы не ответим на огонь, они тоже не могли…» «…Их батарея, однако, была для нас отличной мишенью. Спустя короткое время они прекратили огонь.

Если гостиницы получили несколько попаданий, пусть их владельцы жалуются на глупую батарею».

Макс Валентинер не был человеком, который стыдился своих действий. Он хладнокровно описывал атаки, даже если речь шла о расстреле безоружных судов. Его фраза о попадании в здание на берегу Гагры – это не проявление сомнений, а циничная насмешка над последствиями его обстрела. Это типичная риторическая уловка, позволяющая снять с себя ответственность, не отрицая очевидного.

Макс Валентинер прекрасно знал, что во время обстрела береговой батареи снаряды попали и в Фелюжную станцию.

Он видел, куда ложились его выстрелы, и понимал, что расположенное рядом здание не могло уцелеть.

Фелюжная станция, вероятно, действительно была поражена, но для Валентинера это стало лишь поводом для насмешки.

«.. Дыры в ватерлинии!

Наша пушка наводится. Мы стреляем. Солдаты на пароходе думают, что я целюсь прямо в них. Можно было бы почти заплакать над ними. Было трогательно смотреть, как бедные глупцы пытались защититься от наших снарядов.

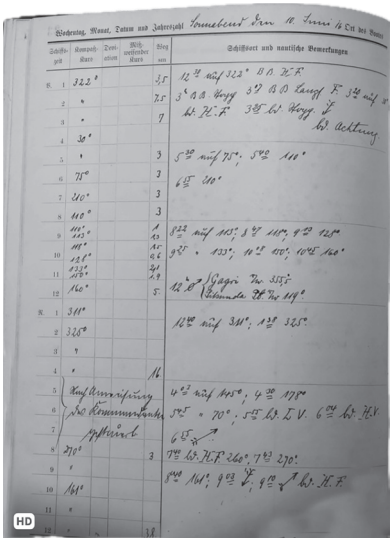
Один прикрыл лицо деревянной доской. Большинство сбросили свои ранцы и забились за них.

Когда мы сделали достаточно дыр в ватерлинии, наш переводчик снова взял рупор и закричал:

«Братцы, спускайте лодки, быстрее, ребята, пашол, пашол, пароход сейчас пойдёт ко дну, и вы все утонете. Марш, марш, все, кто не умеет плавать, в лодку. Бросайте оружие, братцы. С оружием вы утонете.

Бросайте и ранцы, братцы!Без оружия и ранцев вы сможете плыть, быстро снимайте одежду, товарищи, вам нужно плыть!»

Но ничего не помогло. Они спустили несколько лодок, но большинство осталось лежать за своими ранцами, думая, что им пришёл конец,» – так в своих своих мемуарах он описывает атаку «Ориона», вернее то, как они добивали судно артиллерией, стреляя по ватерлинии, и как пассажиры в панике пытались спастись. Данное событие можно соотнести с записью в бортовом журнале U-38 за 10 июня 1916 года, где фиксируется атака на «Орион» и его потопление артиллерийским огнём. Все записи бортовых журналов и судовых дневников немецкой подлодки U-38 отличаются от дат, которые фиксируют российские документы. Дело в том, что в тот период и



до 31 января 1918 года Россия вела летоисчисление по юлианскому календарю, а Германия по обновленному, григорианскому

То, что Валентинер описывает как деревянная доска , на самом деле, скорее всего была икона. Из приказа по климатической станции №185 мы были ознакомлены со списком пассажиров, среди которых был архимандрит Тихон со своей дочерью Зинаидой Лященко, который мог перед лицом смертельной опасности, будучи абсолютно безоружным, взывать к Богу с иконой в руках и просить о спасении ни в чем не повинных людей.

Архимандрит Тихон и его дочь выжили, но сам факт их присутствия на «Орионе» заставляет взглянуть на эту атаку в ещё более зловещем свете. Валентинер в своих мемуарах вспоминал этого человека, но сознательно не упомянул его духовного сана.

Этот эпизод превращает атаку на «Орион» в нечто большее, чем военный эпизод. Это уже не просто уничтожение транспорта – это символ войны без чести и пощады, холодного расчёта, в котором даже священник с дочерью не могли стать причиной для милосердия.

Вернемся к атаке: субмарина не уходила сразу, а оставалась на виду, что удерживало спасательные команды на берегу от вмешательства. Это тактика устрашения, характерная для действий немецких подлодок в Первой мировой войне. Он сознательно создавал впечатление, что U-38 может атаковать вновь, если кто-то попробует организовать спасательную операцию.

Сравнение с бортовым журналом:

В 12:04 U-38 находился в точке, откуда велась атака.

До 14:00 лодка оставалась в районе, прежде чем уйти курсом 325.

Это означает, что как минимум около двух часов после атаки подлодка наблюдала за ситуацией, возможно, проверяя, насколько успешно затонул «Орион» и как проходят спасательные работы.

Действия Валентинера показывают, что он не просто топил корабли, а стремился к психологическому давлению, создавая панику среди

выживших и сдерживая попытки спасения. После подлого нападения на российский транспортный пароход «Орион» немецкой подводной лодкой U-38 28 мая (10 июня) 1916 года вблизи Гагры, Его Высочество Принц А.П. Ольденбургский не оставил этот вызов без ответа.

Не будем забывать, что Принц обладал высокими полномочиями на фронте, так как Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской империи, Николаем II, ему была вверена серьезная работа и власть в годы Первой Мировой войны.

Одним из последствий атаки стал провал U-38 уже на следующий день. 29 мая (11 июня) Валентинер попытался атаковать линкор «Императрица Екатерина Великая», но две выпущенные торпеды прошли мимо. Это стало первым серьезным ударом по самоуверенности немецкого подводника.

Однако на этом проблемы U-38 не закончились. Русские военные немедленно перешли в контратаку: подлодка была атакована глубинными бомбами, что заставило Валентинера поспешно ретироваться.

Спустя почти месяц, U-38 вновь вышла в Черное море, но этот поход стал для неё испытанием. 2 июля в районе реки Шахэ подлодка напала на «Транспорт № 55» (бывший английский пароход «Rockliffe», 3073 брт), но не смогла его потопить: судно выбросилось на мель. Спустя два дня немецкий крейсер «Бреслау» окончательно уничтожил его артиллерийским огнём.

Однако настоящая битва развернулась позже. Эсминец «Лейтенант Шестаков» немедленно контратаковал врага.

* Ныряющие снаряды вынудили U-38 экстренно погружаться.

* Эсминец предпринял попытку протаранить подлодку.

* Затем сбросил шесть глубинных бомб, заставив немецкую лодку уйти на дно.

Валентинер, ранее считавший себя хозяином этих вод, в панике осознавал, что его лодка превращается в жертву. Глубинные бомбы обрушились на корпус, свет погас, вода начала проникать внутрь.

U-38 оказалась в безвыходной ситуации.

Когда U-38 всё же всплыла, её нос оказался всего в 300 метрах от эсминца «Лейтенант Шестаков». Для Валентинера это был шок – подлодка была загнана в угол и не могла уйти. Экипаж в панике запустил двигатели и дал полный ход, не понимая, почему русские их не добили.

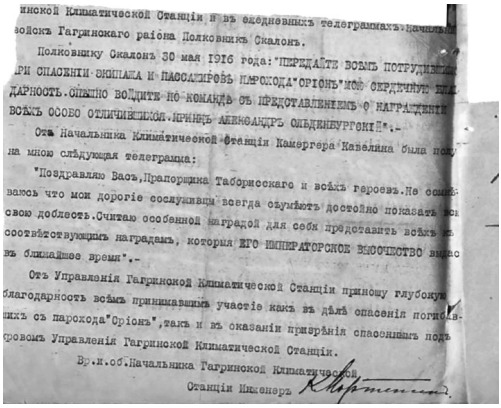
В итоге немецкая подлодка избежала гибели, но получила мощный удар по боевому духу. Валентинер после этого боя избегал риска и действовал осторожнее.

Этот бой стал переломным моментом. Русский флот не потопил U-38, но показал, что подлодки теперь не чувствуют себя хозяевами

в Черном море. Теперь любая атака для них могла стать роковой. После этого U-38 больше не смогла проводить дерзкие атаки и вскоре покинула Чёрное море.

В государственном архивном управлении Абхазии, среди документов была обнаружена телеграмма от Его Высочества принца Александра Петровича, от 30 Мая 1916 года, в которой он выражает благодарность за участие в спасении экипажа и пассажиров парохода «Орион», а также поздравления с успешно проведенной спасательной операцией и уведомление о заслуженных наградах за проявленную доблесть.

Описание Гагрской бухты со следами произошедшего морского преступления встречается нам в еще одном документе.



инской Климатической Станціи и въ ежедневныхъ телеграммахъ. Начальн
войскъ Гагринскаго раіона Полковникъ Скалонъ.

Полковнику Скалонъ 30 мая 1916 года: "ПЕРЕДАЙТЕ ВСѢМЪ ПОТРУДИВШИМ
ПРИ СПАСЕНІИ ЭКИПАЖА И ПАССАЖИРОВЪ ПАРОХОДА "ОРІОНЪ" МОЮ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГ
ДАРНОСТЬ. СПЕШНО ВОЙДИТЕ ПО КОМАНДѢ СЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕМЪ О НАГРАЖДЕНІИ
ВСѢХЪ ОСОБО ОТЛИЧИВШИХСЯ. ПРИНЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ".-

Отъ Начальника Климатической Станціи Камергера Кавелина была полу
на мною слѣдующая телеграмма:

"Поздравляю Васъ, Прапорщика Таборисскаго и всѣхъ героевъ. Не сомнѣ
ваюсь что мои дорогіе сослуживцы всегда съумѣютъ достойно показать вс
свою доблесть. Считаю особенной наградой для себя представить всѣхъ вс
соотвѣтствующимъ наградамъ, которыя ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО выдас
въ ближайшее время".-

Отъ Управленія Гагринской Климатической Станціи приношу глубокую
благодарность всѣмъ принимавшимъ участіе какъ въ дѣлѣ спасенія погибав-
шихъ съ парохода "Оріонъ", такъ и въ оказаніи призрѣнія спасеннымъ подъ
кровомъ Управленія Гагринской Климатической Станціи.

Вр.и.об. Начальника Гагринской Климатической
Станціи Инженеръ

В коллекции Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) среди автобиографий и воспоминаний известных политических, общественных, военных деятелей, представителей науки и культуры сохранились мемуары статского советника В.В. Буймистрова, состоявшего при принце А.П. Ольденбургском. Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ https://statearchive.ruГАРФ – Воспоминания статского советника В.В. Буймистрова

«При одном из поворотов дороги, когда перед нами открылась прелестная Гагринская бухта, мы увидели очертания, как нам показалось военных кораблей. Т[ак] к[ак] в то время неприятельские рейды и нападения были возможны, мы подумали, что перед нами единицы турецкого флота. Это предположение было тем более обосновано, что перед нами из воды торчали мачты и труба корабля, потопленного действиями неприятеля.

Мысль, что принц и его окружение, быть может, подвержены опасности, заставила нас немедленно произвести разведку при посредстве ближайшей телеграфной конторы.»

Не так давно мы получили фотографию 1955 года, предоставленную жительницей г. Гагры На фото судовой паровой котёл, скорее всего, от парохода «Орион», потопленного в 1916 году.

До 70-х годов прошлого столетия он находился у устья реки Гагрипш.

Как он мог оказаться так близко у берега и в значительном отдалении от точки затопления «Ориона» ?

Внутри устройства котла находился где-то воздух, который, скорее всего, не дал «Ориону» полностью затонуть из-за чего части судна могли дрейфовать. Это подтверждается и воспоминаниями Статского Советника В.В. Буймистрова, которые он написал спустя семь месяцев после атаки подлодки U-38 на пассажирское судно.

В 80-х годах прошлого столетия дно у устья реки Гагрипш было очищено морским краном, так как паровой котел, выброшенный в этом месте, мешал прогулочным катерам близлежащих санаториев.

К сожалению, не все пострадавшие парохода «Орион» были установлены, но дальнейшие поиски будут продолжены.

По нашему глубокому убеждению, каждый эпизод и страницы истории нашего города и страны должны быть исследованы.

У нас красивая история, с благородными составляющими, большими личностями, эмоциями, трагическими страницами, подвигами и судьбами людей .Об этом хочется знать, восстанавливать, пусть по крупицам, и передавать дальше, так как смыслы истории, связывающие нас сегодняшних с прошлым становятся еще ценнее, когда есть опасность их потерять навсегда.

АДМИРАЛ ШЕСТАКОВ ОБ АБХАЗИИ

И.А. Шестаков

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) есть личный фонд адмирала Шестакова Ивана Алексеевича (1820–1888), в котором хранится его дневник (РГА ВМФ. Ф. 26. ОП. 1. Д. 75. Л. 45). Несколько записей в нем посвящены посещению Абхазии в 1887 г., то есть незадолго до смерти. В этот период он инспектировал состояние портов на Черном море, будучи Управляющим Морским министерством Российской империи.

Дневник адмирала заинтересовал и издателей, которые выпустили в свет интересную книгу: Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882–1888 гг.). СПб., 2014. С. 412.

2 мая [1887 г.]

Был задержан густым туманом до 10-ти часов утра. В это время увидели Пицундский мыс и показалась «Забияка» с Кутаисским губернатором и начальником Сухумского округа Введенским [Введенский Аполлон Никитич, полковник, возглавлял округ с 1884 по 1891 г.], рослый любитель ботаники. Взял с собою на «Эриклик» и вместе с «Забиякою» пошли к Новому Афону. На железно-свайной пристани нас встретила братия. Поднялись в церковь. Пропели молебен и пошли с визитом к только что назначенному Сухумскому епископу Геннадию, прожившему 30 лет в Троице-Сергиевской лавре. Оказался говорливым ревнителем; в первый раз он знакомился с местною властью и просил покровительства. Епархия его до Анапы; он собирается осмотреть ее и боится остановиться у Сибирякова, потому что он почитатель Льва Толстого. И начались жалобы на Левушку,

на зловредность его сочинений, на его хитрость и пр. и пр. То правда, что слабый Сибиряков увлекается яснополянскими теориями, но вреда-то в них особого я не вижу.

Вообще Новый Афон оставил во мне то же сладкое впечатление, что Валаам. Везде упорство труда, поддерживаемое строгой дисциплиной. Чем была бы Россия, если бы в ней все так работали?

Геннадий благословил образом.

Отпалил труженикам и перешел к вечеру в Сухум.

3 мая

В 9 часов съехал на берег. По-моему Сухум никогда не был лучше. Напротив, теперь есть основные признаки заботливости о нем – тенистый бульвар на взморье, square [сквер], красивая церковь, хорошие казармы и пр.

У Введенского совершенный эдем – отрадно видеть столько настойчивого труда и такие родные прелести.

ВЛАДИМИР ВАГНЕР И АБХАЗИЯ

В.А. Вагнер

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) хранится небольшой очерк об Абхазии [РНБ, ОР. Ф. 122 (Вагнер В.А.). Д. 475. Л. 5–9], написанный в начале XX в. (1909 г.?), автор которого выдающийся зоолог и зоопсихолог, профессор Петербургского, Московского и Ленинградского университетов, один из основоположников сравнительной психологии Вагнер Владимир Александрович (1849–1934). Он специализировался на исследовании пауков (арахнолог), привлек в свое время внимание А.П. Чехова, с которым близко общался и послужил прототипом одного из героев его повести «Дуэль» – зоолога фон Корена.

Известен он еще как автор монографии «Психологические типы и коллективная психология» (1929), которая сразу же попала под запрет и долгие годы лежала в спецхране.

Представляемый отрывок очерка ученого нельзя назвать однозначным, вместе с тем, некоторые наблюдения и оценки автора заслуживают внимания. Более ста лет назад именно таким ему виделся самобытный народ, когда он посетил Абхазию.

Станислав Лакоба

В.А. ВАГНЕР

[АБХАЗИЯ И АБХАЗЦЫ]

Очерк

<…> Абхазец – среднего роста, худощавый, смуглый, с черными волосами и глазами, горец. Он бесстрашен, смел и горд, но, вместе с тем, непостоянен и чрезвычайно вспыльчив. Наряду с природной даровитостью, красотой и, вообще симпатичными сторонами характера, в нем проявляется немало и отрицательных черт, о которых мы скажем ниже.

Абхазцы с древнейших времен слывут за самых бесстрашных и смелых разбойников. Они постоянно делали набеги на соседей, грабили их и опустошали.

Абхазцы и поныне считают воровство удальством, героизмом и чуть не такою же необходимостью, как пища и питье. Этим недугом одинаково страдают от мало до велика, все абхазцы – мужчины, женщины и дети, а высшее абхазское сословие обратило его даже в постоянное свое ремесло. Ребенок, даже держа в руках нож с рукоятью больше себя, пасет в лесу или в горах буйволов или коз.

Дети, как известно, весьма любят сказки всякого рода повествования и легенды. В длинные зимние ночи старики и старухи рассказывают их абхазским детям. Содержание этих легенд, сказок и повествований дальше восхвалений воровству, грабежу и нападениям не идет; в них прославляется смелость и храбрость какого-нибудь «абрага» (абрек – разбойник), его воровская находчивость, сметливость при затруднениях, удальство при грабежах и захвате чужого добра. Этим, отчасти, быть может, объясняется то печальное явление в жизни абхазцев, что лица даже понюхавшие среднего образования, по возвращении на родину подчас вновь отдаются усвоенном с детства ремеслу – воровству… Вошло чуть не в поговорку, что когда абхазцу не у кого красть, так он крадет у самого себя. Месть за пролитую кровь в былые дни составляла одну из главнейших черт в жизни абхазца. Любовь к родине в абхазце развита до высшей меры. Некоторые народы говорят: ubi bene, ibi patria [с латинского: где хорошо, там и родина]; абхазец же наоборот, молится: Лучше Абхазии в мире нет места. Боже, сохрани Абхазию. И в горе, и в радости!

Гостеприимство, как и у всех древних народов, в Абхазии свято чтится и сохраняется до сих пор…

Абхазец учтив, вежлив и почтителен, особенно со старшими.

В разговоре часто прибегает к словам: прошу, «твоя болезнь – мне», «да сделаться мне жертвою твоих болезней», «да покрутиться мне вокруг того места, где ты лежишь» и т.д. В силу этого последнего выражения, абхазец, навестив своего больного питомца, или долгое время не виденного человека, три раза обходит его, говоря: «уцгэ мцугэ сэизгат» [абхазское выражение: уцәгьа-мыцәгьа сагааит], т.е. да унести мне твою болезнь, твое несчастие.

У абхазца на каждый случай жизни имеется особое приветствие, в котором высказывается пожелание благополучия, силы, победы, размножения, прибыли и пр. <…>

Кузнечное ремесло, требующее уже некоторых специальных технических знаний предоставлено особым мастерам этого дела. Торговля считается постыдным ремеслом и потому сами абхазцы не занимаются ею, главное занятие мужчины – охота. Многие абхазцы убивают по семи, восьми медведей в год, но шкур не продают. Главным источником пропитания абхазцев являются земледелие, скотоводство.

КН. ПРОКОПИЙ ЛЕВАНОВИЧ ШЕРВАШИДЗЕ

Депутат Государственной Думы от Батумской области и Сухумского округа. Родился в 1845 г., в местечки Анаклии, в Абхазии; происходит от абхазских владетельных князей. Малолетним кн.Шервашидзе отдан был в Александровский корпус (в Царском Селе), оттуда был переведен в 1 кадетский корпус, а по окончании курса в Михайловском артиллерийском училище служил на Кавказе, где и кончил службу в чине полковника. Во время службы на Кавказе неоднократно участвовал в военных действиях по покорению Западного Кавказа. В период времени 1894-1898 гг. был гласным Батумской городской думы.

[Черноморский вестник (Батум). 1 июня 1906. № 116]

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ГЛАСНЫХ СУХУМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ НА ЧЕТЫРЕХЛЕТИЕ 1907–1911

1) Остроумов Алексей Александрович, профессор
2) Смецкой Николай Николаевич
3) Шервашидзе Александр Григорьевич, князь
4) Гогричидзе Василий Лазаревич
5) Анчабадзе Тарас Зурабович, князь
6) Туркия Баху Петрович
7) Самуриди Христофор Константинович
8) Туркия Захар Семенович
9) Комнино Дмитрий Константинович
10) Туркия Степан Семенович
11) Даль Александр Валерьевич
12) Чиковани Николай Георгиевич
13) Туркия Беглар Петрович
14) Цецхладзе Иван Зосимович
15) Джугели Антимоз Иванович
16) Вафиади Павел Савельевич
17) Бабаджан Иосиф Шаршаламович
18) Томара Михаил Львович

19) Мгалоблишвили Дмитрий Константинович
20) Лолуа Иосиф Точиевич
21) Еркомайшвили Никифор Давидович
22) Ануа Тимофей Иванович
23) Алоизи Иоаким Михайлович
24) Трояновский Николай Феликсович
25) Габуния Бахва Моисеевич
26) Ямандопуло Николай Елевтерович
27) Туркия Сачино Хосроевич
28) Надарейшвили Александр Дмитриевич
29) Левшин Лев Львович, профессор
30) Дзяпш-ипа Александр Павлович, князь
31) Георгадзе Григорий Виссарионович
32) Котбашев Оганес Карапетович
33) Гватуа Евсевий Виссарионович

[Кутаисские губернские ведомости (еженедельная газета). 15 сентября 1907 г. № 37]

СПИСКИ КАНДИДАТОВ В ГЛАСНЫЕ СУХУМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ НА СРОК 1917–1919

1) внепартийные, еврейские общины;

2) партия социалистов-федералистов (Григолия Александр Лукич, Инал-ипа Астамур Саатбеевич, Алшибая Леван Алексеевич, Баркалая Виктор Максимович и др.)

3) украинского и польского обществ (Томара Михаил Львович и др.)

4) партия народной свободы (Захаров Борис Николаевич, Захаровский Лев Львович, Добрынин Павел Андреевич, Меерович Аарон Соломонович, Авилов Федор Дмитриевич, Болбашевская Юлия Леонардовна, Мульман Самуил Иосифович, Синицин Александр Васильевич, Пищик Михаил Самуилович и др.)

5) армянская революционная партия дашнакцутюн

6) партия национал-демократов (Тавдгиридзе Николай Караманович, Шервашидзе Александр Григорьевич, Цецхладзе Иван Зосимович, Шервашидзе Джото Леванович, Джугели Антимоз Иванович, Гегелашвили Ясон Луарсабович, Баркалая Семен Николаевич, Ануа Тимофей Иванович и др.)

7) партия социалистов-революционеров (Басария Семен Петрович, Алания Тимофей Иванович и др.)

8) социал-демократическая партия (Захаров Дмитрий Васильевич, Эмухвари Владимир Константинович, Шервашидзе Варлам Александрович, Эмухвари Дмитрий Константинович, Джанашия Николай Семенович и др.)

[Сухумский листок. 2 июля 1917. № 711]

ПРИЕМНЫЕ ДНИ В СОВНАРКОМЕ

Справочный отдел

Приемные часы у Предсовнаркома Абхазии т. Лакоба устанавливаются ежедневно: 1. По служебным делам – от 11 час. до 1 час. дня.

2. По личным делам – от 1 час. до 2 час. дня.

Прием посетителей Уполномоченным Внешних Сношений т. Лакоба (по иностранным делам) производится два раза в неделю:

По понедельникам и пятницам – от 10 час. до 11 час.

Заседание Президиума Совнаркома бывает еженедельно по субботам в 6 час. вечера.

Заседание Высшего Экономического Совещания – раз в две недели.

Заседание Совнаркома – по мере надобности, но не реже одного раза в две недели.

Заседание Президиума Экономического Совещания – еженедельно по воскресеньям в 10 час. утра.

«Голос трудовой Абхазии», 20 июля 1922, № 162

ПОДАРОК НЕСТОРА

Во втором номере альманаха «Нестор» (2023), в статье «О чем рассказала фотография?», посвященной обстоятельствам пребывания Ф.Э. Дзержинского в Абхазии в 1922 г., упоминался редкий факт. Председатель Совнаркома Абхазии подарил тогда главному чекисту изящную трость. Жена Дзержинского Софья Сигизмундовна в 1966 г. в письме студенту Владиславу Ардзинба сообщала, что в 1922 г. сухумские товарищи «подарили ему толстую, крепкую палку с соответсвующей надписью серебром», которую она передала в Музей Октябрьской революции в Ленинграде (с.7).

Поиски привели к тому, что осенью 2024 г. в фондах Музея политической истории России (С.-Петербург), бывшего Музея революции, была обнаружена эта реликвия – инкрустированная серебряной надписью изящная трость: «Ф. Дзержинскому», изготовленная в Дагестане.

На фото: трость, подаренная Н.А. Лакоба Ф.Э. Дзержинскому

ЗИНАИДА ОРДЖОНИКИДЗЕ…

На коллективной фотографии в Сухуме в ноябре 1922 г. были идентифицированы многие личности (Нестор. № 2. Сухум, 1922). На этом знаменитом фото – Ф. Дзержинский, С. Орджоникидзе, А. Рыков, Н. Лакоба и др.

Выяснилось, что справа, рядом с чекистом Ф. Сотниковым, скромно стоит Зинаида Орджоникидзе…

Серго и Зинаида Орджоникидзе, 1920 г.

И. КОМАРОВ[1]

ПО СЛЕДАМ ПАУСТОВСКОГО

«Я быстро оделся и вышел на палубу. С берега наплывали терпкие запахи, сливаясь с чуть ощутимым шелковистым веянием роз. Запахи то сплетались в тугой клубок, сжимая воздух, до густоты сиропа, то расплетались на отдельные волокна, и тогда я улавливал дыханье азалий, лавров, эвкалиптов, олеандров, глициний и еще множества редких и удивительных по своему строению и краскам цветов. Я решил сойти на берег в Сухуме, чего бы это ни стоило. И не только сойти, но и остаться здесь».

Так неожиданно началась у Константина Георгиевича Паустовского жизнь в Сухуме, описанная им в повести «Бросок на юг». Сотрудник одесской газеты «Моряк», тогда только начинающий писатель, Паустовский остановился в одном из дальних домов на Сухумской горе у француженки, семидесятилетней Генриетты Францевны Жалю, и в течение нескольких месяцев «правил заметки» в местной газете[2].

С тех пор прошло около пятидесяти лет. Наверное, уже и не сохранился тот маленький дом с маленьким садом. А вдруг это не так? Паустовский ушел от нас, но своими книгами он остался здесь, с нами, и, быть может, станет еще более осязаема, ощутима его жизнь в Сухуме, если можно будет сказать: здесь он жил, здесь работал, сюда ходил, с этими людьми встречался. Итак – на поиски домика Жалю.

Адресное бюро – место, откуда люди начинают поиск потерявшихся следов своих близких, знакомых, живущих или погибших. Работники бюро, узнав о причине просьбы, охотно пошли мне навстречу. Просмотрели все карточки, но фамилии Жалю не нашли. Ну что ж, оставалась надежда на старожилов, которые могли бы вспомнить немногие дома, стоявшие в 20-е годы на горе Чернявского (так называлась тогда Сухумская гора), и что-нибудь о француженке, жительнице Сухума.

---

[1] Комаров Илья Ильич (1938–2009) – военный инженер; один из основателей, а позднее – директор Музея Паустовского в Москве.

[2] Видимо, имеется в виду газета «Голос трудовой Абхазии».

Первая беседа была с Тамарой Александровной Георгобиани.

Мне не пришлось долго объяснять цель своего прихода. Ответ был настолько быстр, исчерпывающе полон и дан в таком убежденном, не допускающем никаких сомнений тоне, что не могло быть и речи о каких-либо дополнительных вопросах.

– Кажется, я смогу ответить на ваш вопрос. Фамилию Жалю я не встречала. В двадцатые годы здесь было всего лишь три дома, и ни в одном из них француженки ие было. Ни тогда, ни потом, ни сейчас. Это точно. Единственное, чем могу облегчить вашу задачу, – посоветовать вам ни к кому больше по улице Харазия не обращаться и, не теряя времени, искать в районе улицы Горийской[1].

Круг неизвестности сузился. Но намного ли? Недалеко от скрещения пяти улиц меня познакомили с пожилым человеком, всем обликом сразу же располагающим к себе. Он представился: Адамян, Георгий Аршакович.

Мою просьбу Георгий Аршакович выслушал молча, не перебивая. Во взгляде его можно было прочесть, что такое дело не терпит спешки, требует рассмотрения со всех сторон; только тогда оно может быть успешным. Почувствовав участие, я рассказал ему абсолютно все, что знал сам.

Георгий Аршакович повел меня сразу же к своим знакомым, которые, как он выразился, могли бы нам чрезвычайно помочь. Он водил меня от одного своего старого знакомого к другому. Убеленная сединами Светлана Михайловна Солтыш предложила поискать этот дом поблизости от бывшей дачи Евдокимова, стоящей несколько особняком сразу же за красивой аркой при подъеме на Сухумскую гору. Многие, как и Светлана Михайловна, высказывались в своих предположениях за этот дом. Но… трехэтажное здание, а вы помните – «низенький дом с маленьким садом».

Тогда Светлана Михайловна дала еще один адрес, который, как казалось, мог подвести ближе к заветному месту: дом Шабрановых, Пронина Анна Федотовна, учительница литературы.

Провожая меня, Георгий Аршакович на прощание сказал:

– Позвольте дать вам один совет. Не начинайте обращения к людям так инкогнито, с француженки. Начинайте с имени Константина Паустовского, и все сердца будут вам в помощь.

Да, он был прав, этот пожилой инженер. Он был прав тысячу раз. Мне самому неоднократно приходилось видеть, как люди, раз-

[1] Ныне – ул. Папаскир.

деленные бесчисленными перегородками различных характеров, биографий, возрастов и специальностей, при первой же встрече обретали к собеседнику полное доверие и расположение, как только выяснился общий настрой их душ по отношению к Паустовскому.

День заканчивается. Голова гудит, но все-таки поднимаюсь на второй этаж дома № 2 в переулке Ласуриа. Анна Федотовна дома. Вид, наверное, у меня был до того растрепанный, что еще от порога последовало приглашение садиться. Я уже предвкушал блаженство неторопливой беседы, но не тут-то было. Только я упомянул о доме, связанном с именем Паустовского, как Анна Федотовна засуетилась, наказала ни в коем случае никуда не уходить и убежала. Через минуту она возвратилась вместе с соседкой и коллегой Галиной Петровной Кучеровой. Галина Петровна оказалась для меня сущим кладом.

– Я знаю, я догадываюсь, где этот дом. Он и сейчас, наверное, остался самым последним домом на горе. Мы с друзьями не одни раз обсуждали «Бросок на юг», сопоставляли все детали и остановились на домике Герман.

– Как вы говорите – Гсрман?

– Да, да, Герман. Не удивляйтесь. Паустовский ведь мог и не помнить имени своей хозяйки, но у него, безусловно, отлеглось в памяти звучное название места, в котором он жил, «Бельвю» – так раньше называлась усадьба. По-французски – «прекрасный вид», кажется. Вот и появилось из Бельвю – Жалю. Ведь возможно, правда? Возможно даже, что и отчество Францевна – появилось лишь потому, что хозяйка домя была из Франции. Я покажу вам эту усадьбу.

Паустовский, действительно, мог ошибиться фамилией, но никак не описанием усадьбы. В одной из глав он даже акцентирует наше внимание на точности своего рассказа: «Отправной точкой топографического описания я беру дом и сад мадемуазель Генриетты Францевны Жалю». Так что же нам все-таки известно о доме из книги и что надо подтвердить?

...«Посреди сада у Генриетты Францевны была устроена на уровне земли глубокая цементная цистерна для дождевой воды. Воды от весенних дождей Генриетте Францевне хватало почти до осени. Вокруг цистерны росли пальмы с мощными опахалами».

...«Рядом с усадьбой Генриетты была небольшая поляна... По другую сторону поляны стоял мингрельский дом на сваях с длинной дощатой террасой…»

«Мадемуазель Жалю помещалась в маленьком, низком флигеле во дворе… Две соседние комнате (в доме) пустовали».

Между тем разговор продолжался. Галина Петровна подробно рассказывала об усадьбе, о существовании цистерны и о флигеле, на месте которого построен новый кирпичный дом. Сходилось даже то, что в последние годы Герман жила одна – ведь в книге мы читаем о Жалю, как о единственной обитательнице дома.

На следующий день с утра мы с Галиной Петровной отправились к дому 47 по Горийскому переулку. По пути к «Бельвю» остановились около старинного с длинной дощатой террасой – соседнего с домом Герман. Сейчас там живут две пожилые женщины, породненные узами многолетних забот друг о друге – Мария Минаевна Пятигор и Вера Фердинандовна Корсак. В разговор с нами вступила более молодая и крепкая Вера Фердинандовна.

– Да, с Герман мы были соседями. В этом доме с 1916-го живем. А вот как звали Герман, не помню. Года до двадцатого жива была. Нам тогда было лет по восемнадцать, а а она старушка. Мы и разговаривали-то раза два всего, не больше.

Ну что ж, «Белъвю» рядом. По узкой, заросшей тропинке поднимаемся выше – и, наконец, вот он, долгожданный дом. Низенький, старенький, готовый вот-вот не выдержать тяжести собственной жестяной крыши. Он отслужил свое, дом Герман-Жалю. И пришли мы вовремя, через несколько недель дом должны снести.

Тамел Кортава – студент Сухгоспединститута, живущий здесь у своего родственника Григория Александровича Бжания, водил нас по двору и показывал где ц что росло. Банан, кизил, самшит, яблоня, разных видов пальмы...

В голове сразу высветилось: «Вокруг цистерны росли пальмы с мощными опахалами».

– Стоп, стоп, Тамел! А пальмы вокруг цистерны?

– Да, да, и в дальнем углу у калитки тоже.

Все! Никаких сомнений больше быть не может. Мы у домика Герман-Жалю.

Галина Петровна с Тамелом все уточняла картину бывшего сада, тропинки. скамеечки, а у меня в мыслях проносилось одно: где можно узнать имя и отчество Герман-Жалю? После безрезультатных опросов соседей из дома № 47 иду снова в загс.

Гульнара Варламовна Чакаберия на этот раз встретила меня более доброжелательно: все же известно многое. Можно искать. И после долгих поисков она кладет на стол пожелтевший, разбух-

ший от времени фолиант: «Алфавит умерших в 1923 году». В первом же томе, на 140-й странице читаем: «Герман, Каролина Георгиевна, 65 лет, вдова, смерть освидетельствовал врач Евдокимов, принял сын Герман».

Все. Поиски окончены. Подошло к концу и мое пребывание в Сухуми. А в Москве меня ждал сюрприз, о котором даже невозможно было мечтать. В последних журнальных публикациях «Из разных лет» Паустовского встречаю небольшой газетный репортаж «Из горного дома (От нашего специального корреспондента)». Читаю: «В белом горном доме с низкими потолками – тонкая тишина. Синим льдом сверкают, как только что расколотый сахар, тяжелые горы. Золотым дождем цветет за оконцами пряная мимоза, и воспаленное солнце ложится в тусклое, задымленное море. Горный дом уже стар, и в широких щелях полов потрескивают по вечерам, сердитые скорпионы…»

Горный дом… Тот самый, который помогли мне найти милые. добрые сухумцы – искренние друзья большого русского писателя.

Сухуми – Москва.

Советская Абхазия. 1 июля 1971, № 125.

КОММЕНТАРИЙ К ПОВЕСТИ «БРОСОК НА ЮГ» ВАДИМА ПАУСТОВСКОГО[1]

После расшифровки дневников и прочтения писем отца, относящихся к его пребыванию в Сухум-Кале, стало ясно, что первые дни своего пребывания в Сухуме К. Г. Паустовский провел в доме Александра Исааковича Германа-Евтушенко на горе Чернявского. С Герман-Евтушенко мои родители, как оказалось, познакомились в Одессе и его заботами, как секретаря Союзов кооперативов Абхазии, были приглашены в Сухум. Нынешний директор Московского музея-центра К. Г. Паустовского[2] несколько десятков лет назад выяснил в сухумских архивах истинную хозяйку дома № 47 в Горийском переулке. Ею оказалась вдова Каролина Георгиевна Герман, которая почила в 1923 году в возрасте 65 лет.

[1] Вадим Паустовский (1925–2000) – сын К. Паустовского; материал взят из сайта: paustovskiy-lit.ru

[2] Имеется в виду И. И. Комаров.

Об этом доме также сохранился репортаж отца из Сухум-Кале для газеты «Моряк» (1922 г., 5 мая). Один-единственный раз он был перепечатан в журнале «Новый мир» в посмертной подборке очерков К. Паустовского «Из разных лет», подготовленной Львом Абелевичем Левицким[1]. Для читателей «Броска на юг» он, мне кажется, представит несомненный интерес.

ИЗ ГОРНОГО ДОМА

(Фрагменты)

От нашего специального корреспондента

В белом горном доме с низкими потолками – тонкая тишина. Синим льдом сверкают, как только что расколотый сахар, тяжелые горы. Золотым дождем цветет за оконцами пряная мимоза, и воспаленное солнце ложится в тусклое, задымленное море.

Горный дом уже стар, и в широких щелях полов потрескивают по вечерам сердитые скорпионы. А дряхлые обитатели дома еще помнят времена, когда Абхазия была полна абреками, когда горцы спускались с гор и штурмовали заросшие плющом прибрежные форты, когда солдаты сотнями умирали от горячки во влажных, тропических лесах, времена лермонтовские, полузабытые, но еще свежие в преданиях и памяти горцев.

Фантастический край. Здесь рядом леса пальм и кактусов и заседания революционных комитетов под старыми дубами, причем все члены комитета голосуют и говорят, не слезая с поджарых коней, гортанно перекликаясь и теснясь лошадьми в одну подвижную, темную массу; рядом скрип арб и лошадиные черепа, висящие на всех заборах от дурного глаза, и тут же – ослепительный электрический свет, заливающий широкие сельские улицы, съезды Советов, протяжные гудки иностранных пароходов, кофейни «знаменитых персидских кофейщиков», пестро расписанные трапезундские фелюги, на которых седые турки кипятят кофе в медных кастрюлях-наперстках, плакаты, восточная майолика, князья, перед которыми до сих пор сходят с седел и касаются рукою земли, ажиотаж, лиры, фунты, грузбоны, бязь, кукуруза, богатые лесные концессии на реке

[1] Левицкий Лев Абелевич (1929–2005) – литературный критик, литературовед.

На фото: домик Герман-Жалю (Каролины Герман / Генриетты Жалю, о которой К. Паустовский пишет в «Броске на юг») на Сухумской горе, на совр. улице Папаскир), где в 1922 г. жил К. Паустовский; до наших дней не сохранился

Бзыби, взятые Стиссеном и Рокфеллером, непочатый край, дикие козы, скачущие по улицам, и восторженный рев лопоухих пушистых ишачков.

Край фантастический, пестрый, богатый, но богатства его еще сырые, нетронутые, не вырытые из вечно влажной земли.

Россия, голод, то напряжение и мучительные по непосильной работе дни, что переживаются там, за снежными хребтами, вся громадная, неуловимая жизнь федерации – все это для здешних людей «заграница», что-то почти нереальное.

Но все чаще в ленивый звон здешнего базара, в винный запах духанов, в беспечное щелканье нард и монотонный такт лезгинки, которую танцуют по вечерам перед дверьми кофеен замкнутые «башлычники»-горцы, все чаще в эту покойную и безумную жизнь просачиваются напоминания оттуда, из-за гор.

Со снежных перевалов не приходят, а приползают изможденные, полумертвые люди с обмороженными ногами, беглецы от смер-

ти с отупелой нечеловеческой тоской в старческих глазах. Набрасываются на хлеб, на здешнее сало, на горный сыр и молодое вино и умирают. Не так давно умерло несколько человек, высадившихся с пришедшего из России парохода.

Все чаще приезжают экспедиции из Крыма, Кубани за кукурузой. Они не меняют ее на товары, не покупают, а вымаливают. Дрожащими голосами они перечисляют товары, которые привезли для обмена. Везут все, что осталось, – домашний скарб, чуть ли не детские платьица.

Экспедиция керченских моряков привезла две швейных машины, микроскоп, мотор, два биллиардных стола, какое-то платье, немного мануфактуры, собранной среди моряков, картины, ковер. Все это не нужно здесь, и до слез больно смотреть на седую трясущуюся голову представителя этой экспедиции, прекрасно знающего, что все это не нужно, что хлеба за это не дадут, что вывоз запрещен и на пристанях отбирают даже фунт сахару.

Эти ходоки от обреченных людей преследуют, их не можешь забыть, не можешь понять все то, о чем они говорят, и только где-то в глубине души вдруг что-то оборвется, и станет холодно и страшно.

И все думы о тех, кто остался там. Здесь не говорят «где», говорят – «там», и сразу все как-то замолкают. Там – в России, где плачут, бьются и мучаются из-за корки хлеба, в России, от которой не оторвать мучительных мыслей.

Подготовка текстов, примечания – А. Я. Дбар

Как известно, весной 1925 года Лев Троцкий, уже находившийся в опале, во второй раз приехал в Сухум и принял участие в подготовке Конституции ССР Абхазии. Из Тифлиса в Сухум должны были прилететь Александр Мясников, Соломон Могилевский и Георгий Атарбеков, но, в результате авиакатастрофы, все они погибли. 23 марта 1925 года Троцкий произнес речь с балкона в отеле «Сан-Ремо» (ныне – «Рица»). Эта речь впервые была опубликована в «Правде» 31 марта 1925 г.

Лев ТРОЦКИЙ

ПАМЯТИ МЯСНИКОВА, МОГИЛЕВСКОГО И АТАРБЕКОВА

(Речь на траурном заседании в Сухуме)

23 марта 1925 г.

Товарищи! За последние год-полтора смерть не щадит тех рядов, которые замыкают в себе строителей нашего Советского Союза. Мы потеряли за это время величайшего человека новой эпохи и, можно сказать, величайшего революционера всей истории человечества – Владимира Ильича. После его смерти из наших рядов вырвано было немало ценных и дорогих нам фигур большого революционного и политического значения.

Еще только на днях мы узнали с изумлением и душевным трепетом, что т. Нариман Нариманов, который только что был, вместе со всем Центральным Исполнительным Комитетом, в Тифлисе, на очередной сессии, вырван из наших рядов сердечным ударом. Не успели мы освоиться с тяжелой вестью о гибели одного из лучших провозвестников освободительной борьбы народов Востока, как нас постигает новый, на этот раз тройной удар. После смерти Ильича это самый большой удар, который постиг трудящиеся массы Советского Союза и нашу коммунистическую партию. Этот удар, эту огромную политическую утрату мы ощущаем с тем более острой сердечной скорбью, что гибель трех прекрасных борцов кажется та-

кой случайной, ненужной, такой бессмысленной, – представляется так, что стоило бы своевременно протянуть руку, и мы могли бы их спасти. Какая-то техническая случайность, а, может быть, и не случайность (об этом нужно бы справиться у меньшевиков), – мы пока что причин этой катастрофы не знаем, – во всяком случае что-то постороннее, лежавшее вне борьбы, вне обычной жизни и вне организма этих товарищей, что-то внешнее пресекло одним ударом их жизнь. Вторые сутки, как мы все ходим под гнетом этого кошмарного известия, которое мы еще в течение недель и месяцев будем душевно переваривать, чтобы привыкнуть к нему, но думаю, что старшие из нас не привыкнут к нему до конца своих дней.

Главное, что нужно было рассказать об этих товарищах, было уже сказано сегодня здесь. Я позволю себе лишь кое-что дополнить, отчасти и по личным воспоминаниям. Эти три товарища ушли от нас совсем еще молодыми, конечно, молодыми с точки зрения старшего поколения, а не с точки зрения комсомольцев. Старшему из них – Мясникову не было еще и 40 лет. Следующий по возрасту был т. Могилевский, которому было около 35 лет. И, наконец, т. Атарбекову было всего 32 года. Им всем вместе было не многим более ста лет. Каждый из них имел еще перед собою добрую половину своей сознательной жизни. Каждый из них еще нужен был нам, потому что впереди много больших задач и много трудностей – и в рамках Закавказской Республики, и в рамках нашего Союза, и в рамках мирового союза рабочего класса. А каждый из них был незаменимой, единственной в своем роде революционной и человеческой фигурой.

Тов. Мясников был старшим среди них и по возрасту, и по работе, и по значению. Старый, крепкий подпольный партиец, о котором только еще третьего дня мне пришлось разговаривать как о живом, деятельном, как о товарище, который прибудет сюда, в Сухум, на днях. Тов. Каспарова вспоминала его работу в подполье, в Баку, напряженнейшую энергию этого подпольного революционера-большевика, который в самые тяжкие годы реакции, распада, ликвидаторства не считал слишком малой для себя даже и самую частичную, техническую, повседневную работу, которую лучшие из старшего поколения, стиснув зубы, проводили в то время в подполье, подготовляя Красный Октябрь. И в Октябре и после Октября Мясников оставался верным себе. Помню, как в момент, когда восстание чехо-словаков разрослось в серьезную опасность, Яков Михайлович Свердлов сказал: «надо из Смоленска вызвать Мясникова». Его вы-

звали. Я его тогда увидел впервые. Он выглядел тогда значительно моложе, чем в последние годы: эти семь лет борьбы и испытаний на многих наложили свою неизгладимую печать. Мясников выглядел тогда моложе, в нем было еще нечто юношеское. Как сейчас помню его первый взгляд на смуглом лице, взгляд слегка исподлобья и в то же время открытый, вдумчивый, острый взгляд революционера, который по первому призыву партии, в самый трудный момент молчаливо, без слов говорит: «я готов». Это были трудные дни и часы. В боях, под огнем, под ударами чехо-словаков и белых, складывались тогда первые полки Красной армии. Мясников был одним из первых и лучших ее строителей. В военной работе, как и во всякой другой, он проявлял самостоятельность, критический взгляд, инициативу. Потом его перебросили секретарем Московского Комитета, т.е. руководителем партийной организации в самом сердце нашего Союза, – в трудные и труднейшие дни гражданской войны. Тогда жизнь партийной организации, а следовательно и работа ее секретаря сводились, главным образом, к тому, чтобы отбирать среди коммунистов, в партии, в профессиональных союзах, в разных ведомствах, лучших, наиболее неустрашимых, наиболее твердых, наиболее самоотверженных – для фронтов гражданской войны. Позже т. Мясников работал на транспорте, в период развала железнодорожного дела, когда наша судьба и прежде всего судьба польского фронта зависели от нашей способности перебросить войсковые части с Волги и Сибири на Западный фронт. Мясников и здесь до конца выполнил свой долг, как один из руководящих работников по оздоровлению транспорта. Вряд ли вообще есть такая отрасль работы, к которой он не приложил бы творческой руки. Он был за последние годы секретарем Закавказского Краевого Комитета. Что это значит – ясно без слов. Он был руководителем партийной организации этой в высшей степени сложной Закавказской Республики, с ее переплетом национальных отношений, с ее культурной пестротой, с ее тяжким наследием прошлого и ее величайшими задачами будущего. Он здесь стоял зорким механиком у партийного мотора, который приводит в движение зубчатые колеса советских органов, профессиональных союзов, кооперации, – направляет и вдохновляет хозяйственную и культурную жизнь Закавказья. И с этой наиболее ответственной своей работой он справлялся с честью до последнего дня, до последнего издыхания. Он летел сюда, в Абхазию, на Съезд Советов, но, к несчастью, не долетел…

Следующего по возрасту, тов. Могилевского, я знал меньше, чем т. Мясникова, но знал все же достаточно, чтобы высоко ценить и искренне любить его. Было нечто в высшей степени подкупающее в его тонкой, подвижной фигуре, остром взоре, молодой улыбке, сопровождавшей веселую шутку. В первый раз, помнится, я встретился с Могилевским по поводу забытого уж ныне дела французского депутата Лафона, который приезжал к нам, в Советский Союз, в качестве «друга» – он по крайней мере так заявлял, мы-то были другого мнения – во время нашей войны со шляхетской Польшей. По дороге Лафон заезжал в Варшаву и вел дружеские разговоры с Пилсудским и другими вождями буржуазной Польши, которая находилась в войне с нами. Мелкий буржуа, филистер, который считал себя социалистом и считает себя таким до сего дня, Лафон до такой степени не понял духа и характера пролетарской революции и ее суровой борьбы против буржуазии, что считал возможным приезжать в качестве друга в пролетарскую Москву и одновременно наносить визит буржуазной Варшаве, которая воевала с пролетарской Москвой… Тов. Могилевский прекрасно понял, что нельзя оставлять безнаказанным такой акт политического разврата и наложил на Лафона руку. Я имел объяснение с этим самым Лафоном в присутствии Могилевского, которого я тогда еще почти не знал. Надо вам сказать, что т. Могилевский жил долгое время в Париже, изучил французскую жизнь, владел французским языком и понимал Лафона насквозь. Задача состояла в том, чтобы дать политический урок французскому пролетариату, чтобы сказать французским рабочим: вот кто ваши представители, – господа Лафоны, которые едут с дружескими заверениями к пролетарской власти, а по дороге наносят визиты палачам рабочего класса. Такова была политическая задача Могилевского в деле Лафона. Помню одну мелочь, которая характеризует его: тонкость, его лукавую находчивость. Я объяснялся с Лафоном, и затем спросил т. Могилевского, понимает ли он по-французски. Он ответил с подчеркнутой четкостью: «никак нет». Дело в том, что с Лафоном была его жена, русская, которая служила переводчицей, и т. Могилевский, по соображениям совершенно понятным, не был заинтересован в том, чтобы Лафон знал, что его следователь понимает по-французски. Но я в то же время заметил в глазах Могилевского иронический огонек, который сразу заставил меня внимательнее взглянуть на него: иногда в мелочах обнаруживается человек целиком. Эпизод с Лафоном, дело которого т. Могилевский провел

до конца, до высылки Лафона из России, – сыграл крупную роль в развитии французской коммунистической партии. Тогда ведь к нам симпатий было хоть отбавляй. Все эти Лонге, Блюмы, все эти мелкобуржуазные политики, которые называют себя социалистами, все они нам «симпатизировали». Лонге писал «дружеские» письма Владимиру Ильичу, которые тот с презрительной усмешкой бросал в корзину. И тут нужно было твердо сказать французскому рабочему классу, что революция, Советская власть и диктатура пролетариата – это серьезное дело, это не вопрос условностей и этикета, – нет, ты должен твердо знать, с кем ты: с буржуазной ли Варшавой или с пролетарской Москвой? И вот, уловить этот момент, оценить его в международном масштабе и преподать крепкий политический урок, – это сумел Могилевский. И это одно дает меру человека.

Тов. Атарбеков был, как и т. Мясников, армянин, но он представлял, в психологическом смысле, совсем другую натуру. Мясников, с его глубоким внутренним революционным напором, был спокойный, вдумчивый человек, политик и руководитель. Атарбеков был боец, ударник. Он был насквозь порывистой натурой, – пламенел, рвался вперед, особенно в наиболее острые моменты. Рабочему классу, революции и партии нужны и тот и другой тип, нужны все темпераменты, ибо для всякого найдется свое место, своя работа, своя роль. Атарбеков выполнял в тяжкие часы тяжкую работу по непосредственной расправе с врагами рабочего класса. И он ее выполнил геройски, т.-е. беспощадно. Тут уже упоминалось, что белогвардейщина изображала Атарбекова отродьем человеческим, зверем. Одно время имя Атарбекова переходило по всей белой печати, как имя, олицетворяющее все «зверство» большевизма. Хотя мы сейчас и не вынуждены больше, к счастью, вести такую беспощадную расправу, какую вели в первые годы, – ибо мы стали гораздо крепче; хотя мы сейчас и находимся в дипломатических сношениях с буржуазными государствами, принимаем послов, отправляем послов, и буржуазные дипломаты, и буржуазные политики как бы склонны милостиво закрывать глаза на наше вчерашнее прошлое, – они, дескать, не замечают, или не помнят, что мы пришли к власти путем суровой расправы с буржуазией (а наша заграничная эмиграция повседневно напоминает им об этом), – несмотря на все это, мы не только не «стыдимся» нашего вчерашнего дня, нет, мы

гордимся тем, что рабочий класс сумел выдвинуть своих Атарбековых, которые обеспечили победу революции. За последние годы Атарбеков отдавал свою энергию административно-хозяйственной работе, как руководитель почтово-телеграфного дела в Закавказье. Остро-отточенным кавказским кинжалом можно резать хлеб, – так и Атарбеков, пламенный ударник, выполнял с успехом мирную культурную работу.

И еще нужно отметить одно обстоятельство, наиболее ярко выраженное у Мясникова, но общее для всех троих. Они успели показать в своей работе, эти закаленные борцы, эти несгибаемые революционеры, величайшую гибкость и чуткость к повседневным потребностям и нуждам разноплеменных масс Закавказской Республики. Тов. Бахтадзе упоминал, что каждый из них был – и прежде всего, разумеется, Мясников – воплощением интернационализма. Владимир Ильич передал через Мясникова в Закавказье заповедь: внимательно относиться к тому, чем живет и дышит основная, т.-е. крестьянская масса Закавказья. Вопрос крестьянский здесь помножен на вопрос национальный. Беда, если пролетариат и крестьянство начинают говорить на разных языках. Вдвойне беда, если разные политические языки совпадают с разными национальными языками. Тогда выдвигается опасность вавилонского столпотворения! Национальный вопрос в Закавказье есть вопрос величайшей важности, и невнимание к нему было бы гибелью и для партии и для Советской власти. Но творческое внимание к национальному вопросу может проявить только такой коммунист, который сам насквозь проникнут интернационализмом. Мы ведь знаем «внимание» к национальному вопросу со стороны националистов старых партий Закавказья. И азербайджанские националисты-муссаватисты, и партия дашнаков Армении, и грузинские меньшевики, – все они обращали очень большое «внимание» на национальный вопрос. Но это внимание, продиктованное мелкобуржуазной узостью и корыстью, приводит только к сваре и кровавым конфликтам. Интернационализм состоит не в том, чтобы высокомерно игнорировать национальные задачи. Нет, подлинный интернационализм требует особого внимания к национальным потребностям масс, требует поднятия национальных чувств массы до классовых и общекультурных задач, чтобы открыть

массе доступ к мировой, общечеловеческой культуре. Вот эту истинно освободительную работу выполняли, как лучшие среди нас, Мясников, Могилевский и Атарбеков.

И вот они ушли от нас и больше не появятся в нашей среде. Мы потеряли товарищей, друзей, братьев. И особенно тяжко думать, – повторяю снова, – что они погибли в результате трагического случая, воздушной катастрофы. Вряд ли мы дознаемся когда-либо с точностью о действительных причинах их гибели. Ведь живых свидетелей того, что произошло, нет! Они погибли все: и три пассажира, и летчик Шпиль, и механик Сагарадзе. В телеграмме, которую здесь огласили от Областного Комитета, есть заключительная фраза: «Да будут прокляты те роковые законы, которые вызвали эту катастрофу!». Эти роковые законы суть законы человеческой слабости. Эта катастрофа – каковы бы ни были ее ближайшие причины – является показателем одновременно и силы человека и слабости его. Сила в том, что человек научился летать, научился передвигаться не только по земле и воде, но и по воздуху. Но вместе с этим он и погибает не только на воде и на земле, – он научился погибать и в воздухе. Здесь, стало быть, еще слабость наша: овладевая стихиями, мы не овладели ими еще полностью и целиком. Воздушная стихия – да и не только она – наносит нам еще нередко страшные удары. Через гибель этих трех борцов, через утрату этих пяти работников мы подходим к основной задаче всей нашей работы и к основной цели коммунизма. В чем, товарищи, смысл и задача человеческой культуры? В том, чтобы обеспечить человеку победу над враждебными силами природы, в том, чтобы человека, который был рабом стихий, рабом холода, голода, болезней, сделать господином и повелителем всех сил природы. Буржуазия в этой области достигла многого. Буржуазия приняла из рук феодального, крепостнического общества хозяйство мало развитое. Крестьянство всегда было и по сей день еще остается в рабстве стихий: по сей день оно зависит от дождя и засухи, от циклонов, от бурь, от морозов, которые вот здесь заморозили значительную часть абхазской растительности, от болезней, от эпидемий… Буржуазная индустрия и буржуазная наука совершили колоссальные завоевания в области подчинения природы человеку. Но они совершили эти завоевания в интересах привилегированного

меньшинства. Наша задача состоит в том, чтобы продолжить дальше культурную работу тысячелетий, т.-е., с одной стороны, поднять науку и технику до небывалой высоты, а, с другой – сделать ее не служанкой привилегированного меньшинства, а орудием в руках братски объединенных трудящихся масс. Нужно, чтобы полет стал безопасным и в то же время доступным для всех!

Я думаю, что вы, товарищи, найдете много способов и путей почтить память погибших борцов. Но наиболее достойный способ отдать и отдавать повседневно должное их памяти состоит в том, чтобы повторять себе: мы только в самом начале нашего великого коммунистического пути, не только наши воздушные, но и наши земные пути еще ненадежны, наши шоссе плохи, наводнения срывают наши мосты, много еще в этих прекрасных областях – невежества, болезней и бедности… Если, однако, трудящиеся массы Закавказья сумели взять в свои руки власть и сумели отстоять ее, то именно для того, чтобы обеспечить выполнение нашей основной работы: поднять материальную и духовную культуру народных масс, покрыть Закавказье прекрасными путями сообщения, поднять научную и техническую выучку молодого поколения, превратить общими силами этот одаренный природой край в цветущий сад. И в этом цветущем саду, если не мы, то наши сыновья и дочери воздвигнут лучшие, чем можем сделать сегодня мы, памятники нашим погибшим борцам: Мясникову, Могилевскому, Атарбекову.

«Правда» № 73, 31 марта 1925 г.

Анри БАРБЮС[1]

САМЫЙ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

Очерк

Ему сто сорок лет, может быть, и больше. Я видел его на прошлой неделе. Это было в Латы[2], деревушке небольшой республики Абхазии, в самой глубине Кавказа, в шестидесяти километрах от Черного моря.

В Сухуме часто приходится слышать об этом замечательном старике. Впервые я узнал о его существовании от председателя Абхазского ЦИК'а Чамбы[3]. Сто сорок лет! Исключительный, мировой рекорд! Если столетние старики редки, то особенно редки такие, которые достигают ста десяти лет; этот возраст удалось установить лишь в некоторых местностях Болгарии и Кавказа. За единственным исключением Томаса Парра[4] – английского крестьянина, жившего, кажется, в XVI веке, – в памяти людской не сохранилось ни одного случая, когда человек прожил бы на свете более ста двадцати лет: это, по-видимому, предел человеческой жизни.

Однако некоторые кавказские народности изобилуют столетними стариками. В Абхазии вам часто указывают на мужчин и женщин девяноста, ста, ста пяти и больше лет, и нередко встречаешь седого сгорбленного старика, который говорит, указывая на другого старца:

– Это мой отец.

Вот почему абхазцев этот необычный возраст – сто сорок лет – не поражает так, как нас. Однако Николая Андреевича Шапковского они считают старейшим из всех старцев, и он неоспоримо занимает верхнюю ступень на лестнице человеческого долголетия.

---

[1] Барбюс Анри (1873–1935) – французский писатель, журналист и общественный деятель; очерк «Самый старый человек на свете» был написан им после посещения Абхазии в 1928 г.

[2] Лата – поселок, входящий в с. Цабал Гулрыпшского района Республики Абхазия.

[3] Правильно: Чанба. Самсон Яковлевич Чанба (1886–1937) работал председателем ЦИК ССР Абхазии в 1923–1930 гг.

[4] Парр Томас (не ранее 1482? – 1635) – английский крестьянин, который, по ряду свидетельств, возможно, прожил около 150 лет.

Мне хотелось повидаться с ним, и я обратился с просьбой к правительству Абхазии оказать мне содействие в этом отношении, ибо добраться до него не так-то легко. Товарищ Гегелия[1], высокий старик с окладистой седой бородой (рядом с ним стоял его сын, девятилетний мальчик) сказал мне:

– Я вызвал бы его в Сухум, но весьма вероятно, что он не доехал бы живым. Дорога длинная и довольно опасная.

Дело в том, что расстояние в тридцать километров от Цебельды до Латы можно проехать только верхом. Мне и моим спутникам обещали предоставить лошадей, и сопровождать нас должны были три конных милиционера. Итак – едем.

На другой день мы выехали в Цебельду, где оставили автомобиль и пересели на горных лошадей. У них ласковый взгляд, они то и дело встряхивают длинной гривой и помахивают пышным хвостом. Впереди нас ехали два великолепных всадника, Джикирба и Пилия, начальник абхазской милиции и его помощник, оба высокие и здоровые, в длинных шинелях защитного цвета, в темнозеленых шапках, похожих на мягкие шлемы, с нашитой синей советской звездой, в шевровых кавказских сапогах, мягких, как перчатки. Позади – милиционер Белкания, мингрелец, черноволосый, черноглазый, чернобровый, в черном плаще, в белой фуражке с красным околышем, с винтовкой и нагайкой.

Вскоре в горных ущельях лошадиные подковы застучали по дороге, проложенной в скале. Временами не особенно приятно ехать гуськом над пропастью по этим тропинкам, очень узким, каменистым, совершенно гладким, где копыта скользят, и лошадь сохраняет равновесие только потому, что у нее четыре ноги. В одном месте высится отвесная стена, такая гладкая, что кажется, будто она высечена рукой человека на сотни метров вверх и вниз. Посреди нее тонкой лентой вьется на расстояние полутора километров узкий выступ шириною около двух метров.

Когда въезжаешь на тропинку, не обращаешь особого внимания на головокружительную пропасть, по самому краю которой пробираешься. В глубине пропасти шумит стремительный Кандор[2], которого не видно. Но когда минуешь это место и потом оглянешься, дух захватывает при мысли, что только что проехал по этому узкому карнизу. Постепенно дорога углубляется в лес. Она становится все более грязной и каменистой. К вечеру приезжаем в Латы.

---

[1] Гегелия Парна Алексеевич (1860–1940) – государственный деятель; работал в 1920–1930-е гг. заместителем председателя ЦИК Абхазии и секретарем ЦИК Абхазии.

[2] Правильное название реки: Кодор.

Тут мы проведем ночь. К старику, который живет поблизости, мы пойдем только завтра утром: теперь слишком поздно. Вот мы во дворе, затем на длинной террасе деревянного дома, который с трудом можно рассмотреть в сумерках.

Жители Латы патриархальны и гостеприимны, как в старину. Обитатели этого дома собрались вокруг очага, разведенного на земляном полу в большой общей комнате; трубы нет, дым уходит вверх под крышу и закапчивает потолок. Никакой мебели, кроме шкапа и небольших скамеек. В этой общей комнате нашли приют и куры, и кошки, и козел, привязанный к стене. Стены сплетены, как корзина, и снаружи эта часть дома похожа на большой квадратный кузов.

Нас принимают в маленькой комнате с кирпичными оштукатуренными стенами; здесь есть печка; несколько поражает украшение на стене – старая лавочная вывеска на грузинском языке. Часть комнаты вплоть до потолка заполнена кучей матрацев и одеял, предназначенных для гостей.

В этом доме, принадлежащем зажиточному крестьянину, еще господствуют нравы и обычаи былого времени. Мы спрашиваем, как точное имя старика, но спрашиваем мы об этом у женщины, а женщинам не подобает произносить никакого мужского имени, кроме имени мужа, перед посторонними, и наша собеседница, хотя ей девяносто лет, ничего не отвечает нам.

Не получили мы ответа и тогда, когда спросили у молодой женщины, сколько у нее детей: невежливо со стороны мужчины задавать такой вопрос женщине.

Однако, благодаря нашей обходительности, нам удается узнать немало подробностей о сверхъестественном старике именно от нашей девяностолетней хозяйки. Она приходится ему племянницей. Она так худа, что похожа на тонкий рисунок изысканного художника; черты длинного морщинистого лица ее заострены, глаза блестят, движения живые и бодрые. Сначала она была в обычном крестьянском костюме, затем вышла и вернулась в праздничном наряде: с покрывалом на голове, в плюшевой накидке, далеко не такой старой, как она сама, в башмаках. Имя и фамилия ее: Арумсуда Шапковская. Она сообщила нам, что Николай Шапковский по происхождению поляк: отец его, Андрей, эмигрировал из Польши на Кавказ. Она уверяет, что ее дяде Николаю, который был уже очень стар, когда она сама была еще ребенком, теперь не сто сорок, а сто сорок шесть лет.

Ужин. Мы едим цыплят и нечто вроде сырого теста из кукурузной муки, куски которого скатывают пальцами, опускают в ореховое масло и так едят, – затем варенье на меду. Все женщины этого дома – от старух до маленьких девочек Зуни и Дэды – присутствуют

при этом великом обряде насыщения, стоя позади нас, и заботливо подливают нам свежей воды.

На другой день утром лошади наши зашлепали по дороге, превратившейся в жидкую грязь, и мы подъехали к большому, поросшему травой двору, посреди которого стоял маленький деревянный домик. Несмотря на то, что шел мелкий дождь, на лужайке находилось несколько человек, и среди них старик с белой бородой, в войлочной шапочке, покрытой башлыком, не завязанным и висевшим, как капюшон; войлочная шапочка и башлык – традиционный головной убор абхазских и грузинских крестьян. Старик шел довольно бодро и опирался на палку. Это был он.

Конечно, мы не считаем, как это думали в старину, что глубокие старики заслуживают какого-то особого почета, и нет никакого основания придавать священный характер стойкому и крепкому организму, но все-таки нельзя не почувствовать волнения, когда оказываешься лицом к лицу с тем, кого можно считать самым старым человеком на свете.

Если сведения Арумсуды верны, то Николай Шапковский родился в 1782 году, при Екатерине II, за семь лет до Великой французской революции. Если бы он жил во Франции, он видел бы Людовика XVI и Марию-Антуанетту, Дантона и Робеспьера. Этот человек старше Ламартина, Бальзака, Байрона. Ему было двадцать лет при рождении Виктора Гюго и сорок шесть лет, когда родился Толстой. Этот чудом уцелевший старик был на четырнадцать лет старше Николая I. Ему было девятнадцать лет, когда взошел на престол Александр I и двадцать два года, когда Наполеон провозгласил себя императором. И если продолжать дальше эти волнующие воспоминания, то можно сказать, что в сущности отец его мог знать Петра I.

Он приветствовал нас поклоном, приложив руку к сердцу. Он представил нам свою жену, своих детей. Он пригласил нас подняться на маленькую террасу своего домика. Все мы поместились там. Вокруг него собралась всевозможная родня, и нас, гостей, было шестеро. Очень громким и твердым голосом он распорядился:

– Принесите стулья для моих гостей.

Началась беседа.

Картина не лишена была живописности.

Я сидел рядом с человеком, о котором по какой-то странной случайности забыла смерть. Против меня плотно уселся на стуле атлетически сложенный, туго затянутый в шинель начальник милиции Джикирба, с орлиным носом и голубыми глазами, и передавал старику мои вопросы по-абхазски. Николай Андреевич отвечал,

Джикирба переводил на русский язык; товарищ Самуил Игнат, который любезно согласился сопровождать меня, переводил мне с русского на английский, а моя секретарша Аннет Видаль записывала. Каждый из присутствующих уснащал замечаниями и комментариями эту сложную беседу, которая велась очень отчетливо, несмотря на многочисленные передаточные инстанции.

В промежутки, необходимые для того, чтобы на каждый, предложенный мною по-английски, вопрос я мог получить ответ по-английски же, я внимательно оглядывал Николая Шапковского. Конечно, он очень стар на вид, но, глядя на него, не замечаешь тех признаков упадка, которые производят такое тяжелое впечатление при взгляде на глубоких стариков. У него нет того чудовищно сморщенного лица, красных, налитых кровью век, слюноточивого рта и высохшей кожи, которые характерны для большинства людей, переваливших за предел человеческого возраста. У него не так много морщин, очень ясный взгляд, очень живые движения.

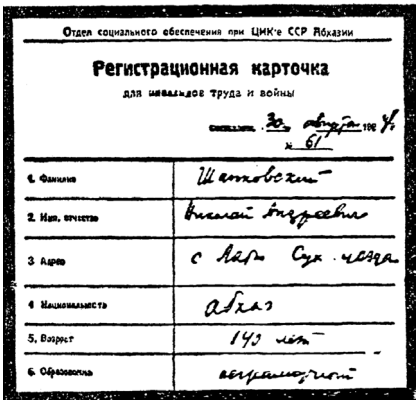
Он не чувствует никакой старческой немощи, не носит очков, и у него сохранился даже один зуб. Он только слегка жалуется, что за последние годы становится туг на одно ухо. Но это едва чувствуется. Организм его – этому охотно веришь – необычайно закален. По его словам, он не знает, что значит болеть, и всего лет сорок назад был «крепок и выносли в, как горы», и таскал на спине тяжести, под которыми свалился бы двадцатипятилетний молодец. Еще недавно, когда ему было сто двадцать лет, он купался зимою в реке, на что не решался никто из молодежи в Латы. Он пил вино, много ел. Теперь он находит, что очень сдал в этом отношении. Однако ни вина, ни даже водки не избегает.

Понимает ли он, знает ли, что побил сенсационный мировой рекорд? – По-видимому, да. В самом деле, он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь был более стар, чем он в настоящее время, и ему пришлось видеть, как постепенно, один за другим умирали все окружающие его. Он так привык к смене годов, что ему кажется, будто ему около двухсот лет. Но он не придает чрезмерного значения этому превосходству своему над другими людьми. Я указываю ему на его единственного конкурента в далеком прошлом, на Томаса Парра, но тут же прибавляю, чтобы не оспаривать его первенства, что это случай почти легендарный, Он не знал об этом, и это его заинтересовало. Он говорит:

– Почему я дожил до такой старости, не знаю. Время проходит, а я остаюсь.

Он умолкает и тихо улыбается. Улыбка у него ясная и спокойная. Потом он смеется и жестами поясняет что-то.

Мы возвращаемся к основному вопросу, интересующему всех: чем, каким режимом объясняет он свое исключительное долголетие? – Мест-



Отдел социального обеспечения при ЦИК'е ССР Абхазии

Регистрационная карточка

для инвалидов труда и войны

№ 61

1. Фамилия	Шатовский
2. Имя, отчество	Николай Андреевич
3. Адрес	с. Кар Сух. часть
4. Национальность	абхаз
5. Возраст	143 лет
6. Образование	неграмотный

Один из документов самого старого человека на свете

ностью, конечно: горы плодят столетних стариков, подобно тому, как на горах растут высокие дубы. Никакого особенного режима он не придерживается. Ест он все, что приходится есть всем беззубым. Он повторяет, что в былое время ел много, а теперь ест умеренно.

Какое самое раннее воспоминание его? – Он помнит, как двенадцатилетним мальчиком был пастухом в горах и принимал участие в набеге на соседнюю деревню. Ненависть, родовая месть, нападения – в этом отношении былую Абхазию можно приравнять к Корсике и Сицилии. Это происходило, конечно, задолго до русского владычества. Он отчетливо помнит схватки, бой и последовавший затем увоз добычи живой и мертвой. В двенадцать лет Николай был уже высок и крепок, как мужчина, и делал все, что и взрослые.

Женат он был три раза. Первая жена покинула его, когда у них уже было несколько детей, и ушла с целой партией эмигрантов в Турцию[1]. Вторая жена его умерла. У него было от нее трое детей – один сын и две дочери, которые умерли в глубокой старости и сами имели детей. Эти внуки Николая живут теперь в Абхазии, в Кодорском уезде[2], по ту сторону реки. У одного из них – сын сорока лет, который приходится правнуком моему собеседнику.

Третья жена его, Авина, находится тут же, среди нас. Ей восемьдесят один год, и у нее пять детей от него: четыре сына и одна дочь. Вот сын сорока двух лет и дочь двадцати шести.

[1] Имеется в виду махаджирство – насильственное переселение (депортация) абхазов в Турцию в XIX в.

[2] Ныне – Очамчырский район.

Конечно, хотелось бы, чтобы человек, проживший почти полтора века, был свидетелем каких-нибудь чрезвычайных событий, современником которых он был, чтобы он видел кого-нибудь из замечательных людей, живших в одно время с ним. Я знавал столетнего старика, который мальчиком близко видел Наполеона и подробно рассказывал, какое впечатление произвел на него тот, когда шел навстречу ему по одной из аллей Мальмезона[1]. В Советском Союзе я встречал стариков, которые рассказывали о потрясающих исторических событиях.

Однако Николай Шапковский, старейший из людей, не может вспомнить ни о чем подобном. Он драматичен сам по себе. Он никогда не покидал Абхазии; изредка бывал он в Карачае и не видел ни одного большого города, кроме Сухума. Он, конечно, не сохранился бы до таких лет, если бы блуждал по белу свету. И он помнит только местные события, например: карательные экспедиции в соседние деревни и возвращение домой с похищенными женщинами и скотом. Он помнит также, что видел, как турки строили казармы в окрестностях Латы. На другой день я осматривал их. Это длинное здание с толстыми, разрушенными, поросшими деревьями стенами имеет вид настоящих старинных развалин, и нет никакого сомнения, что разрушаться оно начало по меньшей мере сто лет назад.

Он рассказывает, что во времена его молодости около деревни Латы не было ни деревьев, ни лесов, и что ему приходилось три дня идти до Карачая, чтобы найти тень. Это верно, так это и было много лет назад. Теперь вся эта местность покрыта густым лесом, изобилующим высокими старыми деревьями.

Он припоминает время, когда все побережье вплоть до Хосты (около Сочи) и вся Сванетия были абхазскими; население тогда было очень густое. Это правда: границы Абхазии за последний исторический период сузились, и население, достигавшее двухсот тысяч человек, в настоящее время не превышает семидесяти тысяч.

Я спросил у него, говорит ли он по-русски. Он ответил:

– Нет. Раньше я говорил по-русски, а теперь забыл.

Игнату пришло в голову стать против него и задать ему вопрос по-русски, и он тотчас же ответил по-русски. Это обстоятельство поразило меня. Много воспоминаний можно было бы вызвать у него, если прожить некоторое время вместе с этим стариком и пытаться методически воскрешать то, что еще осталось в глубине его памяти.

Знает ли он, что в стране его установлен новый режим? Да, он знает это. На вопрос, какого он мнения об этом режиме, он ответил,

[1] Мальмезон – усадьба недалеко от Парижа; частная резиденция Наполеона Бонапарта.

что советское правительство ему нравится. Он обладает некоторым имуществом – у него есть домик, есть корова. Живет он на иждивении сына. Кроме того, он получает пенсию в пятнадцать рублей в месяц. Я позволил себе по возвращении попросить товарищей, возглавляющих Абхазскую республику, немного увеличить эту пенсию.

После долгой беседы мы обменялись горячими приветствиями – старик пытался поцеловать мою руку, а я обнял его с той предосторожностью, которой требовала его почтенная и драгоценная особа. Затем я вернулся в Сухум, где стал собирать точные сведения о действительном возрасте Николая Шапковского.

Никаких документов у старика нет. В его пенсионной книжке, которую я видел в отделе социального обеспечения, указан его возраст: сто сорок лет, но не упоминается ни о каком официальном документе. Против этого как будто сверхъестественного возраста говорят: крепкий и здоровый вид старика, возраст трех последних его детей и, наконец, противоречивые сведения, полученные на месте, относительно действительного числа прожитых им лет.

Однако на два первых возражения можно ответить ссылкой на исключительную жизнеспособность и силу старика. Что же касается противоречий людской молвы, вполне понятных, когда речь идет о таких цифрах, то надо сказать, что самые упорные скептики, самые отчаянные спорщики признавали, что старику из Латы не меньше ста двадцати лет.

Несомненно, это изумительно старый человек. Точные свидетельства других стариков, которые всегда знали его как человека очень пожилого, убедили меня в том, что общепринятая цифра в сто сорок лет близка к истине. Впрочем, есть способы проверить это. Я сам за недостатком времени не в состоянии был выяснить этот вопрос с бесспорной точностью методическими расспросами старика, его родных, близких, соседей, собиранием воспоминаний, изучением его потомства и родни и просмотром архивов и документов. И я обратился к Научному обществу Абхазии[1] с просьбой произвести это исследование. Надеюсь, что оно предпримет эту работу, которая представляет интерес национальный, научный и даже социальный. И я уверен, что это научное учреждение установит точную дату начала самого долгого пути, который когда-либо приходилось совершать человеку на земле.

Всемирный следопыт[2]*. 1929, № 4. С. 308–312.*
Публикация, примечания – А.Я. Дбар

[1] Имеется в виду Абхазское научное общество (1922–1931).

[2] «Всемирный следопыт» – советский журнал, издававшийся с 1925 по 1931 гг.

АГРОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА НА СЛУЖБЕ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ

Интервью президента Академии сел.-хозяйственных наук имени Ленина, академика Н.И. Вавилова, с представителем газеты «Сов. Абхазия» 2 июня 1932 года

– Я приехал в Абхазию, прежде всего для того, чтобы познакомиться с достижениями в области сельского хозяйства за последние годы, ознакомиться с работой научно-исследовательских институтов, работающих по сельскому хозяйству и дать директивы для работы руководимого мною отделения Всесоюзного института растениеводства в Сухуме.

Последний раз мне пришлось быть в Абхазии три года тому назад. За эти годы в Абхазии, несомненно, сделаны огромные успехи по реконструкции сельского хозяйства.

Бурный рост коллективизации и строительства совхозов – первое бесспорное крупнейшее достижение советской Абхазии.

Далее необходимо отметить рост ценных культур: цитрусовых, прядильных и эфиромасличных. Я посетил три совхоза – «Ильич», ОМПК и «III Интернационал». Наибольшее впечатление на меня и на сопровождавших меня товарищей произвел совхоз «III Интернационал», который в короткое время совершенно определенно разрешил проблему одной из ценнейших культур – герани, впервые широко введя ее в Союзе, и тем самым положил начало освобождению нашей промышленности от ввоза эфирного, гераниевого масла из-за границы.

Более того, культура эта оказалась более простой, чем это предполагалось. Удалось значительно упростить технику парниковой выгонки. Это, несомненно, одно из больших достижений в области введения новых культур.

Еще несколько лет тому назад были серьезные сомнения в том, что с этой культурой мы справимся и в том, что она может быть доступна широкой полевой культуре. Фактически Абхазия разрешила этот вопрос определенно и бесповоротно.

Важнейшей очередной задачей совхоза «III Интернационал» я считал бы рациональное использование пустующих в течение 4–5

месяцев парников для тропических и субтропических культур, не могущих идти в грунту или для выгонки ценных овощей. Особенно привлекательно первое. Над этим пока еще агрономическая мысль не задумывалась. Фактическое наличие целых десятков гектаров под стеклом (а в перспективе не менее 50 гектаров для культуры одной герани) открывает широчайшие возможности поискам использования парников в свободное время для самых разнообразных культур. Из-под рассады табака парники свободны почти 10 месяцев. Опытные учреждения должны незамедлительно взяться за это дело и разработать возможности использования парников в свободное время от герани и табачной рассады, для однолетней культуры таких ценных растений, как хинное дерево, кокаиновый куст и др. важнейших лекарственных растений, которые мы до сих пор в большом количество выписываем ежегодно из-за границы; с другой стороны – и для ряда ценнейших тропических и субтропических овощей, до ананасов включительно. Культура последних, доходящих под стеклом до Ленинграда, особенно должна привлечь внимание производственных организаций.

Конечно, понадобятся дополнительные остекленные площади, где бы можно было еще удлинить вегетационный период, но этот вопрос не представляет никаких технических и экономических трудностей.

Совхоз «III Интернационал» должен послужить в этом деле инициатором, проработав в самое ближайшее время, совместно с научными учреждениями, производственные опыты в этом направлении уже в текущем году. Использовать под картофель парники в свободное летнее время в условиях субтропиков, как это теперь делается совхозом, по меньшей мере странно. Путем создания затемнения и длинной тропической ночи можно в парниках осуществить легко идеальные условия тропиков. Мы знаем хорошо, что длинная экваториальная ночь способствует чрезвычайно быстрому росту многих тропических и субтропических растений. Тропический хлопчатник при искусственном удлинении ночи в наших условиях цветет и плодоносит.

Надо заново дерзко подойти к этой новой задаче рационального использования остекленной площади в наших советских субтропиках, учитывая научные достижения последних лет по управлению вегетационным периодом (открытия в области фотопериодизма, метод яровизации Лысенко[1]).

[1] Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – украинский и советский агроном и биолог.

Совхоз «Ильич» доказал, как можно в короткое время закладывать большие площади виноградников и цитрусовых. Заслуживают внимания произведенные им опыты по новым культурам: чайоте (мексиканскому огурцу), чуфе, перувианской вишне.

Поучительны для дальнейшего развития совхозов Абхазии ошибки, сделанные совхозом ОМПК, но излишне дорогой конструкции оранжерей для культуры герани.

Если сравнить используемость наших влажных субтропиков с близкими к ним до некоторой степени по климату средиземноморскими странами, как южная Италия, южная Франция, побережье Сирии, Палестина, Алжир, Тунис, Марокко и Испания, которые мне пришлось изучать несколько лет тому назад, то приходится констатировать разительный контраст.

В то время, как там в менее благоприятных (более засушливых) условиях использована буквально каждая пядь земли, в Абхазии, благодаря царской политике, самые ценные прибрежные зоны не были доступны местному населению. В то время, как в гористой Италии использовано до 70 проц. площади, в Абхазии до сих пор использовано около 10 проц. территории.

Значительные площади еще пустуют в Абхазии и могут быть использованы для ценнейших культур всесоюзного значения и для курортов.

Коллективизация и совхозное строительство открыли огромные новые возможности перед советской Абхазией, о которых никто не мог думать в дореволюционное время.

Будущую советскую Абхазию в сельскохозяйственном отношении мы

представляем себе нисколько не уступающей Ривьере и всем берегам Средиземного моря. Почвенные и климатические условия здесь благоприятствуют развитию интенсивных культур и превращению этой части Советского Союза в наиболее замечательную область по богатству и разнообразию тропической и субтропической флоры, собрав здесь все лучшее со всего мира.

Необходимо будет уделить большое внимание культуре орнаментальных растений, заложению парников. Уже из имеющегося опыта, огромное число экзотов, даже тропических видов декоративных растений, как пальмы, камфарный лавр, благородный лавр, – могут превосходно идти на побережье Абхазии.

По намеченной второй пятилетке, Абхазия должна всемерно развить ценнейшую цитрусовую культуру и культуры многих суб-

тропических плодовых. Необходимо вообще уделить большое внимание плодоводству в этой стране, которая, как и соседняя Грузия и Армения, является родиной мирового плодоводства и виноградарства.

Наличие в Абхазии ценных лесов, состоящих из диких яблонь, груш, алычи, черешни и орехов, повитых диким виноградом, свидетельствует об исключительных возможностях для развития плодоводства. Здесь можно видеть еще сохранившиеся черкесские сорта груш и яблонь, привитые на диких яблонях и грушах.

Где-нибудь в Германии, в Баварии редкие экземпляры дикой яблони и груши окружаются заборами, и экскурсии школьников путешествуют для того, чтобы посмотреть родичей современных культурных сортов – яблонь и груш.

Абхазия – родина европейского плодоводства, и здесь целые тысячи гектаров состоят из самых разнообразных диких плодовых деревьев, от которых началось все мировое плодоводство.

Пройдет несколько лет и европейские, американские плодоводы будут направляться в Абхазию, чтобы собрать эти редкостные и находящиеся в пренебрежении дикие родичи, представляющие нередко исключительную ценность, как исходный материал для практической селекции.

Мы имели недавно несколько писем от американских, английских и немецких селекционеров с просьбой помочь им в сборе семян этих диких плодовых.

Для плодоводства косточковых Абхазия представляет большие возможности, достаточно указать на культуру высококачественных слив, персиков.

За три последние года в маленькой Абхазии вырос целый ряд научно- исследовательских учреждений, работающих по сельскому хозяйству. Уже имеется более 10 опытных учреждений по различным видам растениеводства. Создался институт субтропического плодоводства. Нельзя не приветствовать возникновение в Абхазии субтропического вуза и ряда сел.-хоз. техникумов.

На примере маленькой Абхазии можно видеть, как быстро советская страна становится высококультурной, как быстро изменятся лик советской земли. Абхазское правительство, под просвещенным руководством уважаемого Нестора Аполлоновича Лакоба, всегда проявляло исключительное внимание к науке, всемерно привлекая всесоюзные научные учреждения и создавая свои научные исследовательские институты и станции в советской Абхазии.

Я должен отметить ту большую помощь, которую оказал тов. Лакоба в деле создания около Сухума отделения Ленинской акаде-

мии сел.-хоз. наук в лице Всесоюзного института растениеводства, возникшего по мысли Владимира Ильича Ленина.

Мне пришлось в этот приезд особенно подробно заняться работами субтропического отделения Всесоюзного института растениеводства, которым мне приходится непосредственно руководить.

Отделение сосредоточило в Абхазии за короткое время огромные, небывалые сортовые ресурсы по важнейшим культурам, интересующим практически советские субтропики. Оно стало одним из наиболее интересных питомников всего Союза по богатству и разнообразию мирового ассортимента культур.

Так, по различным субтропическим плодовым здесь собрано свыше 640 разных видов и сортов; по различным новым южным пищевым растениям – около 600 видов и сортов. По субтропическим техническим культурам сухумское отделение ВИРа имеет, несомненно, самый богатый ассортимент для всего Союза.

Достаточно указать, что одних эвкалиптов здесь собрано более 120 видов и разновидностей. Здесь заложена впервые в Советском Союзе плантация нового, обещающего каучуконоса – флоридского золотарника (солидаго левенвортии), полученного нами в 1930 году в подарок от недавно умершего знаменитого изобретателя Эдисона. Это растение дает гуттаперчу высокого качества в большом масштабе. По-видимому, судя по прекрасному росту его в Абхазии, этот вид будет иметь значительный практический интерес. Далее здесь собрано различных эфиромасличных около 800 образцов.

Засажено за истекшие пять лет, не считая того, что уже было в саду Смецкого, более 1.000 видов и разновидностей древесных растений, собранных со всего мира.

Отделение приступило к закладке арборетума[1] по определенной географической системе, на основе всего мирового опыта.

Нельзя не упомянуть, что отделение собрало самый богатый ассортимент по травянистым декоративным однолетним и многолетним растениям, представляющим всесоюзный фонд для озеленения городов. Одних роз собрано 500 сортов, в том числе все новейшие ассортименты Америки и Западной Европы. Собрано более 535 сортов гладиолусов, 110 сортов тюльпанов, 213 видов и сортов ириса, представляющих самую полную коллекцию, имеющуюся в Советском Союзе. Здесь в живом виде имеются 227 сортов пионов,

[1] Арборетум – то же, что дендрарий.

опять-таки самый богатый ассортимент, которым мы владеем. Здесь мы имеем мировой ассортимент гиацинтов, 80 сортов нарциссов.

Нужно определенно сказать, что Всесоюзный институт растениеводства Ленинской сел.-хоз. академии провел исключительно большую работу по мобилизации богатств растительного мира, ныне в живом виде имеющегося по Сухуму и размноженного для введения наиболее ценного материала в широкую культуру.

Для развития новых культур, для замены малоценных культур более ценными, по постановлению ЦКК РКИ и Наркомзема СССР, начиная с 1932 года, широко развертывается практическая селекционная работа. Все, наиболее заслуживающее внимания для широкой практики, должно быть быстро апробировано и размножено. С этой целью на базе работы сухумского отделения института растениеводства развертывается специальная селекционная станция по субтропическим, техническим, кормовым, сидерационным растениям, по овощам и по другим культурам. Для этой цели, на отведенных правительством Абхазии землях в Куксе (Гульрипшский сельсовет) и бывш. Рибо на значительных площадях должна быть незамедлительно развернута широкая практическая селекционная работа, на которую уже в нынешнем году Наркомземом Союза отпущено более 500 тысяч рублей.

В связи с расширением материальной базы, институт растениеводства может в кратчайшее время развернуть широкое введение новых культур, необходимых для влажных советских субтропиков. При активной помощи правительства и Наркомзема Абхазии, несомненно, отделение сможет провести большую плодотворную работу. Для этой цели мы мобилизуем значительные силы, имеющиеся в составе Института растениеводства.

В связи с общими директивами союзного Наркомзема, Институт растениеводства ныне развернул широкую селекционную работу. В отделении начата интересная работа с цитрусовыми – создание зимостойких форм. Задача эта очень трудная, ибо имеющийся у нас ассортимент полностью не удовлетворяет необходимым требованиям климата Абхазии.

Для того, чтобы разрешить эту задачу, отделение приступило, начиная с 1930 года, к широкому скрещиванию, привлекая большой новый материал со всего мира. Нельзя не отметить работы отделения в части возможного использования однолетних побегов эвкалиптов и акаций, как для получения масел, так и для получения ценных дубильных веществ (работа В. Ф. Николаева[1]). Это открытие

[1] Николаев Валентин Федорович (1889–1973) – ботаник, естествоиспытатель, специалист в области растениеводства; в 1927–1938 гг. работал в Сухуме.

должно быть всемерно использовано и для других культур, например, для хинного дерева.

Необходимо, однако, поставить работу с субтропическими культурами на новые рельсы, так как до сих пор работа отделения была слишком замкнута. Необходимо популяризировать через местную прессу достижения научной работы, обращая на нее внимание широких кругов общественности.

Наблюдается ряд хозяйственных упущений, отчасти в связи с недостатком средств. Все это необходимо немедленно ликвидировать.

Даны указания о решительных мерах по приведению в порядок парниковых насаждений, и мы полагаем, что через короткий промежуток времени справедливые нарекания Наркомзема Абхазии и советской общественности будут изжиты; парк будет приведен в соответствующий крупному научному учреждению достойный вид.

Имевшее место заражение некоторых плантаций парка ицерией серьезным вредителем, ныне ликвидируется путем мобилизации энтомологов и работы общества борьбы с вредителями. Ознакомившись с этой работой, я мог констатировать, что приняты решительные меры по борьбе как биохимическим, так и химическим способами. Полученный для борьбы с ицерией из Египта паразит повиус уже начал быстро истреблять ицерию.

Нужно иметь вообще в виду, что всякое введение новой культуры связано в большей или меньшей мере с появлением новых паразитов. Это имело и имеет место постоянно в истории введения культур, что, конечно, не может служить препятствием широкому введению культур, необходим только правильный и строгай контроль в этом направлении, который ныне организуется Ленинской академией сельскохозяйственных наук и ОБВ[1].

Мне пришлось два года тому назад видеть во Флориде, где плантации цитрусовых были поражены плодовой мухой, как целая армия энтомологов шла сплошным фронтом по стране, истребляя вредное завезенное насекомое. На это затрачено было несколько миллионов долларов. Наши энтомологи и ОБВ захватили вовремя появление ицерии в Абхазии и есть уверенность, что с ней мы справимся и уже в значительной мере справились.

Вся сел.-хоз. исследовательская работа объединяется ныне Всесоюзной академией сел.-хоз. наук имени Ленина, включающей в себя как общие институты, представителями которых в Абхазии являются субтропическое отделение ВИР'а, так и отраслевые институты (институт

[1] ОБВ – Всесоюзное государственное объединение по борьбе с вредителями; создано было в 1930 г.

плодоводства и друг.) с их зональными станциями и опорными пунктами. В этой мощной научной организации – залог разрешения в кратчайшее время важнейших задач, поставленных советской страной по реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах.

Дружными усилиями советских научных работников, полных энтузиазма, под руководством партии и правительства, мы уверены, что выполним эти огромные и трудные задачи. Мы не сомневаемся в том, что в самое короткое время советская Абхазия станет культурнейшей и прекраснейшей частью Советского Союза.

Несколько недель тому назад, по поручению советского правительства, мне пришлось в Ленинграде знакомить председателя Совета министров Турецкой республики г. Исмет-пашу[1] с научной работой по сельскому хозяйству в Советском Союзе. Особенный интерес глава турецкого правительства проявил к субтропическим культурам. Исмет-паша просил нас помочь делу организации в Турции исследовательской работы, в особенности в области субтропических культур и проявил особенный интерес к тому, что делается в наших советских субтропиках.

Научные учреждения Абхазии, принимая активное участие в социалистической реконструкции сельского хозяйства, предрешают, по существу, те пути, по которым, рано или поздно, за нами пойдет весь Восток.

Журнал «Советские субтропики». Сухум, 5 июля 1932 г. № 2 (12). С. 3–8. Публикация, примечания – Е.Г. Гегия.

[1] Мустафа Исмет Инёню (1884–1973) – турецкий государственный, политический и военный деятель; посетил СССР в мае 1932 г.

Ф. ГЛАДКОВ, Ал. МАЛЫШКИН

ПСЫРЦХА

Страна, где зреют мандарины...

Ее омывают волны Черного моря, она уходит в ущелья и долины. взлетает на горные высоты. И у моря, и на лесистых скатах гор, и в урожайных низинах рек, – в жизнерадостной зелени садов, в полянах табачных плантаций и кукурузных посевов толпятся тесные деревеньки. Хатки – на столбиках, в воздухе, легкие, маловместительные, кажется, что их можно без труда перенести с места на место. На деревьях – неизбежные конусы из кукурузной соломы. похожие на огромные гнезда птиц. Всадники по дорогам и горным тропам, пронзительные арбы, запряженные парой неуклюжих, тяжеловесных, валящихся в сторону друг от друга буйволов. И всюду могучая, расточительная растительность, даже в глазах стоит зеленое марево от нескончаемых лесов. садов, буйных трав. В пейзаж врываются острова субтропических насаждений – кипарисы, эвкалипты, серебряный дым маслиновой листвы, какая-то невиданная, карминно-красная хвоя... Неописуемые, кажущиеся выдуманными солнечные восходы и закаты; плодоносные радуги, одним концом падающие в море; ослепительные контрасты света, особенно в пасмурные дни, когда небо бурно и темно, а вершины его металлически блистают... Таково первое зрительное впечатление от Абхазии, или по-абхазски еще Апсны – «страны души».

А с точки зрения экономической, это страна, где рождаются обильные, но еще недостаточно разработанные богатства. Богатства особого рода: мы говорим о субтропической флоре Абхазии.

У наших культурных субтропиков небольшое прошлое. Им не более 50 лет. А плановое хозяйство в этой области и систематическая научно-исследовательская работа создаются впервые только советской властью. Теперь субтропики – один из важнейших участков социалистического строительства.

Конечно, раньше абхазский народ не смел и мечтать о своем субтропическом хозяйстве. Прошлое Абхазии – летопись сплошного грабежа, чудовищной колонизаторской эксплуатации населения.

Царские вельможи-завоеватели сгоняли крестьянство с лучших урочищ, плодородных участков, присваивали их себе, строили великолепные дворцы в отнятых землях, а население использовали, как подъяремную рабочую силу. Местное дворянство со своей стороны на правах вассалов с неменьшей жестокостью и, пожалуй, с еще большей ловкостью и вероломством расхищало последнее достояние крестьян. Оно использовало в своих интересах даже народные обычаи «приемного родства» и кровной мести, заставлял бедняков служить себе «до седьмого колена». Население нищало, бедствовало, дичало, вымирало, в отчаянии убегало в глубь неприступных гор, где многие абхазцы превращались в абреков-мстителей. В истории известен массовый, нашедший себе отражение в скорбных песнях исход абхазцев из родной земли в Турцию...

Дореволюционная история Абхазии – еще не написанная эпопея непрерывной борьбы абхазского парода за свою независимость. В ней много страниц героизма и беспримерного самопожертвования, много славных и дерзких имен. Таков род Лакоба – стародавних бойцов за свободу трудового крестьянства. В классовых боях люди этой фамилии, не жалея своей жизни, шли в передних рядах, часто шли в одиночку. Их потомок – теперешний предЦИК Абхазии Нестор Лакоба, герой Октября и гражданской войны, беззаветный большевик, которого знает в Абхазии каждый пастух. Прадед его Урус Лакоба был публично повешен в Лыхнах царскими чиновниками за то, что казнил, угостив отравленным шашлыком, предателя своей страны и эксплуататора князя Шервашидзе.

Не слаще, чем при царских насильниках, жилось абхазскому народу, правда, более краткое время, при грузинских меньшевиках и интервентах. Тогда проводилась пресловутая «грузинизация», о которой население Абхазии и сейчас вспоминает с ненавистью. Был выработан изуверский план – выселить всех абхазцев из благодатной приморской полосы в дебри каменных гор... Вполне понятно, почему в годы гражданской войны они отчаянно дрались за будущее против грузинских меньшевиков и деникинцев. Нестор Лакоба стоял во главе движения: имена таких его соратников, как Эшба, Инал-Ипа, Агниашвили. Караман Амба и др., не умрут никогда в народной памяти. О Несторе Лакоба народ-песенник уже создал свои легенды и напевы.

С Октября и начинается возрождение этой некогда насилуемой и обираемой страны, подъем ее хозяйства, начинается свободный рост самобытной ее культуры.

Основные продукты земледелия в Абхазии – табак и кукуруза. Но субтропические плантации при надлежащей постановке дела могут играть в ней неменьшую роль. В Абхазии прежде всего хорошо произрастают **померанцевые** растения – мандарины, апельсины и лимоны. Мандарины являются наиболее устойчивыми в отношении низких температур, они погибают только при –15°, тогда как апельсины и лимоны гибнут уже при –8, –10°. Широко развита культура **маслин, мушмулы, инжира, лавра и пр.** Особенно важное значение приобретает культура **герани**, ценного валютного эфироноса, могущего составить не последнюю статью в советском экспорте. Та самая герань, которая вместе с канарейкой услаждала некогда непритязательные вкусы мещан-обывателей, теперь – экономическая база Абхазии, где уже имеется ряд эфироносных совхозов.

Одним из виднейших опорных пунктов субтропического хозяйства является совхоз Псырцха, до сих пор больше известный под именем Нового Афона.

Раньше здесь был богатый монастырь, основанный в 1876 году русскими монахами, выходцами с греческого Афона. Монастырь – своеобразный: скорее – предпринимательское предприятие, построенное на жестоком выжимании соков из монахов и послушников, навербованных из народа.

Старый садовник совхоза, бывший монах, Трифон Железняков, теперь член профсоюза, очень ценный работник, так вспоминает прежние монастырские времена:

– Порядки были строгие, дисциплина беспощадная. За опоздание на церковную службу, за маленькие упущения на работе – суровое наказание. Извольте стоять целый день на коленях на паперти или при дороге и отбивать лбом поклоны каждому прохожему. А то и карцер. Изнуряли работой до последних сил. Солдатская муштра была ягодками в сравнении с этой каторгой. Рядовые монахи работали все от мала до велика. Обычно вербовали мальчиков и готовили их на постриг. К 20 годам они были уже безгласными рабами. Меня тоже из мальчиков сделали монахом. Разбивали всех по специальностям – садовников, виноделов, огородников, кузнецов, слесарей, литейщиков, каменщиков, плотников. Здорово эксплуатировали и паломников. Пришел в монастырь, так поработай три дня во имя божие: за это кормили бесплатно постными щами … Главки наши были люди образованные – инженеры, агрономы, естественники, хозяйственники… были и коммерсанты, заводчики, которые свой опыт прилагали здесь…

В какие-нибудь два десятка лет ценою такого рабьего труда Новый Афон превратился из пустынного места в цветущий, благоухающий оазис. Схимонахи из горных инженеров смиренно и свирепо командовали целыми армиями людей, алчущих спасения; проводили горные дороги, укрепляли каменными стенами оползни, прокладывали в самых рискованных местах удобные проходы и мостили тропы, снимали целые скалы, очищали площади для тучного перегноя, который доставлялся снизу тысячами тонн. Опытные садоводы-монахи производили посадку субтропических растений, доставляемых из Италии, Греции, Японии, Америки. Все прилегающие горные склоны были засажены маслинами, лаврами, цитрусами. Все породы пальм заиграли веерами и опахалами. Возник хороший ботанический сад, где каждому дереву был придан латинский паспорт. Архитектора в черных клобуках возводили капитальные сооружения. Так поднялись на горе видные издалека казарменные монастырские корпуса, купола, колокольни... Местечко загромоздили складские помещения, винные погреба, гостиницы.

Черноризные инженеры-путейцы и электротехники провели на горные высоты железную дорогу. Она понадобилась для добычи драгоценных деревьев, которые экспортировались за границу. В конце 80-х годов открыта гидростанция, проведены на высоты бремсберг и воздушная канатная дорога.

Это крепкое, механизированное, чисто капиталистическое предприятие приносило огромные доходы. Оно давало выход хищным инстинктам даже после принятия «схимы». Недаром тянулись сюда такие «тузы», как волжский воротила Гордей Чернов (прототип горьковского Фомы Гордеева), который нашел себе пристанище, после бурной жизни, именно на этом «тихом» лоне... Богоспасаемая община выполняла роль важнейшего проводника колонизаторской и русификаторской политики царизма. В экономических тисках она держала все окрестное население. То, что раньше в одиночку делали местные хищники, помещики и кулаки, теперь могучая централизованная организация проводила умело, планомерно, под маской душеспасительного подвига.

Но садовое монастырское хозяйство занимало все же незначительную площадь; оно ограничивалось только подножием и частью склонов Афонской горы. Маслин было 58 га, мандаринов 9.25 га, лимонов 0.25 га и 85 апельсиновых деревьев... В 1917 году впервые занял новоафонские высоты партизанский отряд Карамана Апба. А в 1920 году – Красная армия.

Теперь в Псырцхе – иные времена, иная система. На месте монастыря организован совхоз. Сначала дела шли плохо, и хозяйство из года в год питалось дотациями. Ветшали сооружения, расхищались плоды, дичали деревья, почва не удобрялась.

В 1929 году был назначен директором совхоза Караман Апба, герой Октябрьских дней. Он резко повернул дело на хозяйственную линию. Был открыт курорт, и здания монастыря превращены в пансионат. Развернулось огородное хозяйство, молочная ферма. Открыта поликлиника, построено здание морских ванн, прекрасная гостиница.

И главное – началась работа по восстановлению и рациональному ведению садового субтропического хозяйства. Караман Апба повел эту работу осторожно, спокойно и уверенно. Его разве можно было упрекнуть в том, что он не развил рекордных темпов. Но культура субтропических растений требует особого, тонкого подхода. Тут рекордами не достигнешь цели. Цитрусовые растения – лимоны, апельсины – нуждаются в исключительной бдительности и внимании: необходим тщательный уход за ними, надо уберечь их от заморозков, надо вовремя позаботиться о плодах, надо еще – самое главное – изучить жизнь и нравы этих растений на протяжении ряда лет. Необходимо было восстановить плодоносность цитрусов. Обычно эти небольшие деревца дают по нескольку тысяч плодов каждое. За несколько бесхозяйственных лет часть лимонов погибла, а мандарины плодоносили скудно, давали по 700–800 штук с дерева, болели, вырождались.

Нестор Лакоба, который настойчиво борется за проведение культурной революции в своей стране, горячее внимание уделяет той Псырцхе, в которой он когда-то ребенком учился в школе и с которой связаны годы его молодости, революционного подполья. Этот культурный участок Абхазии должен не только возродиться, но раздаться вширь, стать гордостью Советского Союза; здесь, от Псырцхи, от Сухума должна по всему черноморскому побережью распространиться померанцевая Италия, но Италия, являющая собой высшую ступень советского культурного садоводства.

И здесь могучую роль сыграла пятилетка. С нее начался действительный рост цитрусового хозяйства, его экспансия.

В пятилетний план по Псырцхе включена была посадка 30 га лимонов и 45 га мандаринов. Фактически он был выполнен в течение трех лет. К концу пятилетки получилось перевыполнение плана: сейчас имеется новых насаждений – лимонов 37.75 га. Мандаринов – 53.5 га. Маслин прибавилось 5 га. В Псырцхе получился огромный цитрусовый массив в смысле единого хозяйства, каких нет в Европе.

Коллективизация в крае проведена на 90 проц. Силами псырцхинского совхоза в окрестных селениях организован первый мандариновый колхоз. У каждого почти крестьянина имеется цитрусовых насаждений по полгектара. Случаются и более крупные хозяйства: в прошлом году один кулак успел продать на рынок мандаринов на 50.000 рублей! В 1931 году совхозные рабочие подсадили колхозникам еще 6 га мандаринов, в 1932 г. – 11 га. У части крестьян наблюдается тенденция к отказу от традиционного табаководства и тяга к садоводству в виду большей его рентабельности.

В прошлом году в Псырцхе собрано около миллиона штук плодов. Любопытно, что мандарины, посаженные в первую пятилетку, уже дали по 5–10 шт. плодов, лимоны – по 2–3 шт. В будущем году от них ожидается уже обильный урожай. Называют возможную цифру урожая 1935 года в 20–25 миллионов шт. плодов.

Если принять во внимание все субтропические плантации побережья, от Батума до Сочи, то можно думать, что в недалеком будущем Черноморье сможет не только насытить фруктами весь Союз, но и экспортировать их за границу. Тем более, что наши мандарины отличаются особыми выгодными качествами. Это – японский, широколистный сорт «Уншиу Микан» сахарно-сладкий, без косточек. Созревает на полтора месяца раньше итальянского.

Таковы итоги первой пятилетки в Псырцхе.

Главной опасностью в цитрусовом хозяйстве является холод. 5–8 градусов мороза уже гибельно отражаются на деревцах. К счастью, такие холода – редкое явление в Абхазии, но внезапный каприз температуры может сразу уничтожить плоды многолетних и старательных трудов. Пока нигде в мире еще не изобретены надежные, защитные противоморозные средства для цитрусов – ни в Италии, ни в Калифорнии, ни в Японии (правда, мягкий климат Средиземного побережья и Тихого океана не вызывает особых забот в этом отношении). Единственный, наиболее распространенный способ – грелки. При наступлении холодов топят железные печки под деревьями и обогревают их кроны. Для небольших фермерских участков такой первобытный способ, может быть, и пригоден. Но в нашем крупном социалистическом хозяйстве, где плановые засадки исчисляются сотнями га и десятками тысяч деревьев, а угроза холодов неминуема, содержание тысяч таких печей – убыточная статья: чтобы обслужить их – сколько потребуется рабочих рук, сколько железа, сколько помещений для хранения таких подогревателей! Нужны какие-то другие методы по охране цитрусовых насаждений.

Сейчас в районе Псырцхи на протяжении километров густо кучатся белые куклы спеленатых молодых лимонов: они одеты сеном и обвернуты бумагой. Это еще маленькие кусты. Но лет через пять они превратятся в пышные деревья, которые пеленать будет уже невозможно. Наши рационализаторы ломают сейчас головы над трудной задачей, – как же организовать действительно надежную охрану лимонов от замерзания.

Но стараниями одиночных рационализаторов не побороть трудностей. Нужно немедленно же приняться за организацию социалистического соревнования в этой области. Надо заинтересовать этой проблемой передовые кадры совхозных рабочих Абхазии и мобилизовать наиболее активные силы специалистов. Без коллективной мысли, без коллективных изобретательских усилий дело вперед не двинется.

Кое за что можно упрекнуть псырцхинский совхоз. Бросается в глаза некая безнадзорность маслинных рощ и тех же цитрусов. Старые монастырские участки имеют вид садов, которые предоставлены сами себе. Правда, к весне деревья окапывают, обкладывают навозом. Но до сих пор не ведется настоящей борьбы с паразитами – щитовкой на цитрусах, маслинной мухой и молью на маслинах. Мало заботятся и о старых, когда-то добротных и основательных сооружениях. Былые ограды разрушены и местами даже исчезли их следы. Каменные опорные стены осыпаются. Дороги, когда-то превосходные и опрятные, теперь по всей территории Псырцхи размыты, неудобны для езды. Каменные лестницы и мощеные подъемы к горным террасам, где зеленеют рощи цитрусов и пальм, разъедаются дождевыми потоками, прорастают травой, которая дробит плиты и разрушает их кислотами. Почему бы не следить за этими сооружениями, не ремонтировать их время от времени? Почему не возобновить оград и не очистить насаждений от бродячих животных? В курортный сезон предприимчивые отдыхающие проникают на плантации, ломают деревья, рвут мандарины, режут бамбук, и слабая охрана не всегда в силах это предупредить.

В совхозе есть агроном, есть садовник есть и молодой научный работник с Субтропического института. Но необходимых систематических опытов и наблюдений над цитрусовыми в ближайшем прошлом почти не велось. Может быть научная работа будет развернута наконец в текущем году? До сих пор, например, не разрешен вопрос о культурном использовании междурядьев. Не поставлены во всю ширь опыты по уничтожению таинственно-живучих, неистребимых маслинных и цитрусовых вредителей, от которых хиреют целые рощи...

Издается в Сухуме чрезвычайно ценный, объемистый, единственный на весь СССР журнал «Субтропики». До полутораста ученых эн-

тузиастов, старых и молодых, посвятивших себя делу развития субтропических культур, бескорыстно работают в этом издании, известном и ценимом и в других странах мира. Здесь печатаются научные исследования, освещается текущая практика в лесном и садовом хозяйстве. Но, просматривая журнал, мы не нашли в нем ни одной серьезной статьи о Псырцхе. Правда, кое-кто мимоходом вспоминает, что на Новом Афоне есть такие-то и такие-то растения, но о необходимости научных и опытных обследований – ни слова. Псырцха почему-то пока в изоляции. Говорят, что там предполагается создать исследовательскую станцию. Но когда она будет создана, – еще неизвестно, а время не ждет!

В совхозе около 200 рабочих, из которых до 40 проц. коммунистов и комсомольцев. Есть учебный комбинат на базе местного хозяйства. Есть общественная столовая, по чистоте и уюту одна из лучших в Абхазии, имеются ясли, детский сад. Проводится социалистическое соревнование. Но пропашка междурядьев в этом году проведена неудовлетворительно: много лысин, грунт поднят поверхностно. При наличии большого огородного хозяйства питание организовано неважно: мамалыга – основное блюдо в повседневном быту. Рабочие жалуются прежде всего именно на недостаточное питание.

Отстает и культурная работа с массами. Много заседаний в партячейке и месткоме, но практическая работа движется вяло.

Все же, несмотря на некоторые прорывы, совхоз за годы своего существования не только сохранял, но интенсивно развил вширь оставшееся от прошлого цитрусовое хозяйство. Тем более должна быть оценена трудность этой работы, что проводилась она своими силами, без помощи научных кадров. Мы уже говорили о той внимательной поддержке, которую оказывает субтропическому совхозу абхазское правительство в лице тов. Лакоба. Передовыми воителями за совхоз являются партийная организация и директор Караман Апба, которые при тяжелых условиях вывели его на крепкую базу. Директор болен; у него грудная жаба, особенно мучительная на горных подъемах, по которым раскиданы сады; он еще ни разу не отдыхал и мало лечился, но ему некогда жаловаться, – все дни в работе, в стремлении создать из своего хозяйства одно из самых богатых и высоких по культуре. Странно, что Караман до сих пор еще не отмечен пролетарской наградой – не только за свою теперешнюю работу, но и за боевые дела прошлого. Он заслужил это, старый партизан, отвоевавший когда-то от врагов Новый Афон, а сейчас неустанно атакующий его с позиций социалистического строительства.

«Известия», 6 мая 1933, № 117

Георгий САРАКАСИДИС

ТИКА

Рассказ
(Фрагменты)

Иногда, теперь очень редко, выходил погулять по главной улице, с заходом на набережную, и Нестор Лакоба – первый руководитель молодой советской Абхазии – со своей красавицей-женой. Выходил он с другой целью. Ему хотелось побыть со своим народом, пообщаться с людьми на улицах города, узнать, что их волнует, что беспокоит. Он очень внимательно относился к мнению людей. Давал человеку выговориться, задавал вопросы. Охраны с ним никакой не было. Во всяком случае, внешне это было незаметно. Никого он не опасался. Народ его любил, и в любую минуту каждый мог лично прикрыть своего лидера от злодея. Но таковых не находилось. Никто и никогда в Сухуме не покушался на жизнь Нестора Лакоба – так он был любим народом.

В 1932 году состоялась первая спартакиада Абхазии. Тике, как самому рослому и сильному спортсмену, чемпиону Грузии, доверили нести на открытии спартакиады огромный флаг с тяжелым древком. На правительственной трибуне расположилось почти все правительство во главе с Нестором Лакоба. Он ласково улыбался, кивал и помахивал рукой проходящим стройными рядами спортсменам. Лакоба заприметил Тику. И, когда соревнования были уже в полном разгаре, он вдруг спросил у председателя спорткомитета:

– А кто этот гигант, который нес знамя?

– Это боксер, Нестор Аполлонович. Чемпион Грузии.

– Вот как. Пригласите его сюда.

Через несколько минут Тику разыскали, привели на трибуну и подвели к Лакоба.

– Здравствуй, сынок, – протянул он спортсмену руку. От волнения Тика, и так румяный, совсем зарделся. – Ты не стесняйся. Садись вот сюда, – указал на стул, стоявший напротив. – Кто твой отец?

– Вы нас не знаете, Нестор Аполлонович. Мы греки. Наша фамилия Мистакопуло, – в растерянности пробормотал Тика.

– То есть, как так не знаю? – улыбка слетела с лица Нестора. – Я знаю всех взрослых греков, живущих в Сухуме. Мистакопуло, говоришь? Не Пантелея ли ты сын?

Пораженный, Тика только и нашелся, что сказать:

– Извините, дядя Нестор. Я этого просто не ожидал. Да, я его сын, Пантелея.

– Вот сейчас ты хорошо сказал, сынок, – опять заулыбался Лакоба. – «Дядя Нестор» – это правильно. А я думал, что сейчас начнешь: «товарищ Лакоба», станешь по стойке смирно или еще что-то в этом роде, – и залился звонким раскатистым смехом.

Чемпион, видя такое расположение к нему, успокоился, расслабился и сам рассмеялся.

– Знаю про твои успехи в боксе, – продолжал беседу Нестор Аполлонович. – Какие у тебя планы в дальнейшем?

– В спорте у меня все складывается неплохо, а вот вокруг него – не очень.

– Что ты имеешь в виду?

– Выиграл я первенство Грузии, и, казалось бы, мне открыта дорога выступать за сборную Грузии на чемпионате Союза.

– Ну, а что тебе мешает? – недоуменно спросил глава Абхазии.

– Да вот в Тбилиси мне сказали, что для этого я должен выступать под фамилией Мистакидзе.

– Вот оно что! – теперь все понял Нестор Аполлонович. – А что ты им сказал?

– А я сказал, что Мистакидзе по-грузински ничего не означает, а Мистакопуло по-гречески значит «сын усатого человека». И мне нравится моя фамилия, и менять ее, а вместе с ней и национальность, я не собираюсь. – Лакоба слушал не перебивая. – Я знаю, несколько ребят-греков, играющих в футбол за «Динамо Тбилиси» под грузинскими фамилиями и ставших уже грузинами. И это не украшает ни греков, ни грузин. Было время, когда бежавшие из Турции греки приехали в Грузию, переняли язык, огрузинились, записались грузинами. Например, такие фамилии как Канделаки, Хомерики никак не выглядят грузинскими. А Хомерики вообще восходит к самому Гомеру. Гомер по-гречески – Омерос. Так что, правильно эта фамилия звучит: Омерики. Это было в прошлом и очень давно. Но зачем же в наше время искажать фамилии, менять национальность людям? Я, например, если изменю национальность, буду считать себя ущербным человеком. Не потому, что я националист, нет, дядя

Нестор, – горячо продолжал Тика. – У меня очень много друзей разной национальности. В том числе немало и грузин.

Долго молчал, пораженный такой искренностью, Нестор Аполлонович Лакоба. Он, кажется, забыл о Тике, погруженный в свои мысли. Но это только казалось так. Он думал о том, что этому одаренному парню могут исковеркать жизнь. И сколько еще таких ребят? А он, глава хоть и маленькой, но республики, помочь им не в силах. Тяготили и надолго портили ему настроение такие мысли. Лакоба молча встал, Тика вскочил со своего стула вслед за ним.

– Мне пора уезжать со стадиона, мальчик, – он внимательно и серьезно посмотрел Тике в глаза и задумчиво произнес: – А ты молодец, парень. У тебя не только мускулы хорошие, но и голова отличная. Мышцы, к сожалению, уходят быстро, а голова хорошая послужит тебе еще долго, – Иди, грек, – он сделал акцент на слове «грек», приобнял парня, похлопал его по спине – и всегда помни об этом. А отцу своему, Пантелею, передай мой большой привет и скажи ему от меня, что он вырастил очень хорошего сына, – повернулся и медленно, задумчиво пошел к выходу. Сопровождавшие его товарищи полным составом ринулись за ним.

Тика оставался на месте, взволнованный этим разговором. Он хотел сказать, что у него есть еще старший брат Харо и сестренка Мара, но было уже поздно. Лакоба со свитой скрылись за захлопнувшейся за ними дверью. Друзья и товарищи поздравляли Тику, а он улыбался отрешенно им всем в ответ своей открытой обезоруживающей улыбкой. Его потрясли расставание и последние слова этого необычного человека. Придя домой на Советскую улицу (он очень гордился, что его улица носит такое название), Тика рассказал обо всем своим. Панаила с дочерью расцеловали его, Харо пожал руку и обнял брата, радуясь за него, а старенький Пантелей прослезился, услыхав про добрые слова о нем Лакоба, потом молодецкая улыбка засияла на его дряблом лице. Он подкрутил себе усы, все еще торчавшие вверх, и вдруг молодецким голосом сообщил:

– А я в ваши годы был шустёр, – подумал немного и добавил, – Куда вам, молодым, до нас. Нет сейчас такой закваски. Бывало... – он махнул рукой и сник.

– Ну конечно, папа, с тобой потягаться мы не могли бы никогда, кишка тонка, – решил подбодрить старика Харо.

– Да будет тебе, – вдруг опять ожил старик. – Ты же знаешь, что я горжусь вами. Вы у меня орлы, моя кровинушка.

Весь день и вечер в семье царило приподнятое, праздничное настроение. По этому поводу Панаила с Марой приготовили любимые всеми долмы (по-русски голубцы), и вечером, собравшись за большим круглым столом, они, выпив по стаканчику, а кто и больше, отличного домашнего вина изабелла, закусывали, и хорошая беседа лилась за трапезой допоздна. Никому не хотелось идти спать. Так хороши и интересны были рассказы стариков о прежней жизни. Но, как известно, и все хорошее имеет свой конец.

– Утро вечера мудренее, – молвил Пантелей, и все встали.

Сухумские греки / Георгий Саракасидис. – Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2013. – С. 9, 12–15.

Владимир ЗАНТАРИА

АБХАЗИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Что связывает Гроссмана с Абхазией?

В конце 70-х годов прошлого столетия Пицундский Дом творчества им. Д.И. Гулиа, открывший новые страницы в истории литературных взаимосвязей, становится одним из самых популярных мест отдыха творческой интеллигенции, видных представителей литературы и искусства республик бывшего СССР и дальнего зарубежья.

В числе первых советских писателей, посетивших Пицундский Дом литераторов (пансионат торжественно открыли в 1978 г.) был выдающийся прозаик, фронтовой корреспондент газеты «Красная Звезда», автор нашумевшего романа-эпопеи «Жизнь и судьба» Василий Гроссман. В свое время он испытал на себе «все прелести» жесткой политической цензуры. Как известно, в 1961 году спецслужбами были конфискованы копии рукописи и черновики романа. Была изъята и копия, находившаяся для перепечатки в редакции журнала «Новый мир»… Благодаря известному поэту, переводчику С.И. Липкину, которому удалось сохранить одну из копий произведения, оно было опубликовано в Швейцарии в 1980 г. В эпоху так называемой горбачевской перестройки роман был издан с купюрами (1988).

* * *

Вспоминая о днях, проведенных в Пицундском «Литфонде», В. Гроссман отмечал: «Море, конечно, не свобода, а лишь символ свободы, но, как же прекрасна сама свобода, если даже напоминание о ней делает человека счастливым» (эти заметки я нашел в книге отзывов тех, кто проводил свой творческий отпуск в Пицундском Доме писателей им. Д.И. Гулиа).

В повести Гроссмана «Все течет», опубликованной еще в 1989 г. в журнале «Октябрь», в размышлениях Ивана Григорьевича, бывшего узника сталинских лагерей, образ моря предстает еще более много-

планово, развернуто и метафорично: «Морю не было до Ивана Григорьевича дела, когда он шел свою жизнь за Полярным кругом, и не будет до него дела гремящей и плещущей свободе, когда он перестанет жить. Он подумал – это не свобода, это пришедшее на землю астрономическое пространство, осколок вечности, движущейся и равнодушной…»

В недавно прочитанной мной повести «Все течет» Гроссмана достаточно узнаваема абхазская природа, на фоне которой автор вновь знакомит нас с воспоминаниями своего персонажа: «Его ноги когда-то шли по этому прохладному булыжнику, его детские глаза всматривались в эти тронутые красной осенней ржавчиной округлые горы»… А вот и образ абхазца, на мой взгляд, весьма колоритно воссозданный мастером: «По улице в сторону базара шел старик абхазец в черной сатиновой рубахе, подпоясанной кожаным тонким пояском, нес корзину каштанов…» Вместе с тем, это не просто экзотичное описание абхаза… С ним связаны достаточно впечатлительные философские мысли и воспоминания героя повести: «Быть может у этого старика, застывшего и неизменного в своей седине, покупал в детстве Иван Григорьевич каштаны и инжир…И тот же прохладный и теплый, пахнущий морем и горным небом, и чесночным кухонным чадом, и розами, южный утренний воздух. И те же домики с закрытыми ставнями, со спущенными занавесками. И те же, сорок лет назад бывшие, не повзрослевшие дети, те же не ушедшие в могилу старики спали за этими закрытыми ставнями…»

Следует отметить, что Василий Гроссман еще в 1956 году посетил Абхазию вместе с поэтом, переводчиком Семеном Липкиным, о чем свидетельствует уникальный фотоснимок, запечатлевший их встречу с Б.В. Шинкуба в Сухуме. А вот в великолепном рассказе «Из окна автобуса», созданном В. Гроссманом в 1960–1961 гг. абхазская тематика передана не только в литературном, но и в интересном историко-этнографическом ракурсе: «Время от времени автобус останавливался, и Иван Петрович, экскурсовод, негромко, словно боясь помешать кому-то в горах, рассказывал о геологической истории абхазской земли, о первых древнейших поселениях людей. Участники экскурсии спрашивали Ивана Петровича о множестве вещей – он рассказывал и о нравах горной форели, и о храмах шестого века, и о проекте горной электростанции, и о партизанах времен гражданской войны, об альпийской растительности, о бортничестве и овцеводстве…»

Абхазская тематика в дневниках и письмах В. Гроссмана

В книге Федора Губера (приемного сына Василия Гроссмана) – «Память и письма» – процитированы дневниковые заметки и письма автора «Жизни и судьбы» (датированные 1956 годом). Думаю, в Абхазии мало кто ими интересовался. А они, на мой взгляд, очень интересны и значимы для истории абхазо-российских литературных взаимосвязей. Судя по публикациям Федора Губера, «в 1956 году Гроссман вместе с Липкиным совершил незабываемую поездку по Закавказью…» В маршрут входили: Нальчик, Тарнауз, подножье Эльбруса, Кисловодск, Прохладное, Баку, Тбилиси, ряд других городов и районов Грузии… Завершилась поездка Абхазией, конкретно Сухумом, Новый Афоном, Гудаутой, горными селениями Абхазии… Вот как, в частности, отражена в письмах и путевых заметках Гроссмана атмосфера приема гостей в столице Абхазской республики:

«19.04.1956. В Сухуми настоящая весна, тепло, солнце светит вовсю <…> Встретили нас тут необычайно помпезно – руководство Союза на двух машинах выехало на станцию перед Сухумом, и мы на машинах под эскортом 5 писателей доехали до города (это Семе почести)».

Примечательно, что председателем Союза писателей Абхазии в тот период был Баграт Шинкуба, который, по всей видимости, принимал участие в работе по подготовке перевода и издания на русском языке абхазского Нартского эпоса, одним из переводчиков которого был Семен Липкин, широко известный как поэт и мастер по переложению на русский язык таких шедевров восточной поэзии как «Шахнаме», «Лейла и Меджнун», «Джангар», «Манас» и др. Еще в 1953 г. С. Липкин вместе с Я. Козловским выполнил перевод на русский язык романа в стихах Б.Шинкуба «Мои земляки», вышедшего отдельной книгой в Москве. Видимо, подобный опыт творческого сотрудничества С. Липкина с выдающимся абхазским поэтом, в определенной степени мог стать причиной «помпезности встречи», о котором, достаточно патетично пишет Гроссман в своих воспоминаниях.

«С Багратом Шинкуба у него были давние, теплые, дружеские отношения, – отмечает известный историк, поэт профессор С.З. Лакоба, который был лично знаком с С.И. Липкиным. – Больше всего я запомнил, что Баграт Шинкуба для него вытеснил всех. Он о нем говорил взахлеб. Был от него в восторге. Говорил, что Шинкуба от природы талантливый человек, одаренный, что он удивительно чувствует слово и народную поэзию»…

(«Спутник-Абхазия». Лакоба о Липкине: он был поражен абхазскими сказителями и фольклором. 19.09.2016 г.)

Еще более впечатлительны строки классика, помеченные 21 апреля 1956 г.: «Вчера мы провели замечательный день, нас повезли на машине в Новый Афон и Гудауты, а затем вглубь Абхазии, в горы. Там, в селении, красоту которого невозможно описать, крестьяне устроили пир. В нем участвовало человек 40. Пир этот шел по очень сложному ритуалу, сложнее грузинского. Тосты сопровождаются хоровым пением, пляской, и когда ты пьешь в чью-либо честь, хор тянет стройную и протяжную мелодию до тех пор, пока не отнимешь пустой стакан от губ. Вино было изумительно хорошо, я такого в жизни не пил, – мягкое, нежное и такое душистое, что даже мой жалкий нос различал его запах. Но количество было так огромно, а законы пира так суровы, – старики оскорбляются, когда пропускаешь или не допиваешь до дна, – что мы едва живы сегодня…» Не исключено, что это застолье происходило в Члоу, родном селе самого Б.В. Шинкуба, куда он часто приглашал многих русских классиков, в том числе К. Симонова, А. Твардовского и др.

Гагра. Ночной шторм

Тему Абхазии, в частности, ее жемчужины Гагры, классик затрагивает в небольшом рассказе «Осеняя буря», в котором взору читателя предстает величественный живописно-аллегорический образ бушующего моря:

«В ноябре Гагры стояли тихими, безлюдными, но они были полны света, осеннего тепла, а в маленьких садиках, в тесноте некрупных деревьев, вызревали оранжевые центнеры мандаринов и апельсинов.

Мне отвели комнату на втором этаже, в санаторном корпусе, расположенном над самым береговым обрывом, крепленным каменными глыбами и бетоном.

Двадцать первого ноября я лег в постель как обычно, в одиннадцать часов, немного почитал и уснул.

Ночью я проснулся: кто-то грубо тряс балконную дверь. Словно опасаясь хищного существа, я потушил свет и подошел к балконной двери.

Из тьмы на одном уровне с балконом неясно возникали огромные светлоголовые волны, и казалось, одно лишь оконное стекло отделяло меня от ревущей воды.

При каждом ударе волны дом дрожал, а затем слышался новый, непривычный всплеск, – очевидно, шумела вода, поднятая штормом выше прибрежной стены…»

(В. Гроссман. Несколько печальных дней. М.: Современник, 1989 г.)

Мусто Джихоглы и Василий Гроссман

(Встреча в гостинице «Москва»)

И еще одна драматичная история, связывающая Василия Гроссмана с Абхазией и ее судьбой. После возвращения из политической ссылки, Мусто Джихоглы, брат легендарной Сарии, шурин Нестора Лакоба думал о том, как увековечить подвиг своей сестры, рассказать всю суровую правду о трагедии семьи невинноубиенных. И ему необходимо было найти опытного писателя, способного «воссоздать прошлое по крупицам памяти, письмам и фотографиям». В своих воспоминаниях М. Джихоглы по этому поводу писал: «Я слышал, что где-то в Москве живет автор эпохального романа "Жизнь и судьба" Василий Гроссман. Но как на него выйти? На самом деле я преувеличивал трудности. После двадцатого съезда многие писатели будут искать материалы для книг о сталинских репрессиях. А участь Сарие и ее юного сына Рауфа на фоне борьбы мужчин за близость к императорскому трону, змеиный облик Лаврентия-отравителя и странная доверчивость многоопытного Нестора, плюс экзотика имен и традиций, – позволяли создать поистине высокохудожественное произведение…»

Мусто рассказывает о том, как поехал в Москву, узнав номер домашнего телефона Гроссмана через Фазиля Искандера, затем пригласил Василия Семеновича в гостиницу «Москва». Гроссман пришел не один, а с поэтом и переводчиком Семеном Липкиным.

«Клянусь честью, я не предвидел такого ошеломляющего эффекта. После моего неумелого и крайне взволнованного рассказа, Василий Гроссман воскликнет: «Да, поистине великой женщиной была Ваша сестра!» – вспоминает М. Джихоглы. «Гроссман все время реагировал на мое сбивчивое повествование – кивком головы, глазами, мимикой лица. А Семена Липкина словно и не было в гостиничном номере. Сидя в большом, глубоком кресле отошедшей эпохи, он уставился в окно, – точно впервые в жизни наблюдал панораму сумеречной Манежной, будто залитый светом "Националь" гораздо больше говорил ему о семье самого миниатюрного и глухого в мире революционера… На самом деле Липкин не только внимательно слушал рассказ, но что-то себе конспектировал, – не пером на бумаге, а особой записью поэта в отдел памяти мозга. И через год Липкин ошеломит меня не журнальной статьей, – хотя и очерк был бы великим достижением для экс-зэка, – а поэмой… кавказской былью "Нестор и Сария"»…

Не исключено, что в дневниках, архивах или каких-то неопубликованных записях Василия Гроссмана или Семена Липкина прямо или косвенно воспроизведены эпизоды их встречи и беседы с братом великой Сарии Лакобы. Возможно, эта тема заинтересует кого-нибудь из наших историков и литераторов.

Считаю, что изложенные в данной публикации сообщения, факты и свидетельства, могут стать частью новейшей истории творческого взаимодействия абхазских и русских писателей. А сколько еще не до конца изученного или не вызволенного из архивных хранилищ, рабочих папок писателей, не успевших поведать читателям все пережитое и выстраданное.

На фото: Баграт Шинкуба, Семен Липкин, Василий Гроссман

Екатерина МИЩЕНКО

ВОСПОМИНАНИЯ

Передо мной уникальные по своему драматизму и трагичности воспоминания Екатерины Яковлевны Мищенко-Хочолава (1923, Краснодар – 2017, Сухум), которая прожила долгую и очень сложную жизнь.

К переломным 1929–1930 гг., когда в СССР началась коллективизация, Яков Яковлевич Мищенко и его молодая жена Наталья Алексеевна Гончарова жили в Краснодаре и в Геленджике, на высоком холме, и любовались пароходами, которые заходили в порт. У них был большой светлый дом, полный достаток, крепкое хозяйство, подрастали дети – Вера, Люба, Катя, Вася и Женя. Однако семейное счастье в одночасье рухнуло.

Самая младшая, Женя, Евгения Яковлевна, моя мама, 1927 года, родилась в Геленджике. В возрасте двух лет она оказалась вместе со всеми в далекой ссылке на Урале. Долгое время в их семье не принято было говорить о прошлом. Только к 2000 году я обратил внимание на то, как они, две сестры, Катя и Женя, уединялись на встречах и вели откровенные разговоры. Помню, до меня долетали загадочные фразы о том, что им довелось пережить. Тетя Катя, как мы с братом ее называли, была красавицей и очень мудрым, утонченным человеком. Как-то я попросил ее, чтобы она написала воспоминания о жизни, об истории семьи. Мне казалось, что просьба обросла долгим молчанием. После смерти тети Кати, или «Катюши», как ее называли внуки Николай и Тамара Вороновы, моя двоюродная сестра Света Хочолава, как бы между прочим, показала две ученические тетради своей мамы, исписанные неровным почерком. Прочитав воспоминания, в которых были только кровь и слезы, я был потрясен судьбой семьи моей матери, их стойкостью, порядочностью и доброжелательностью.

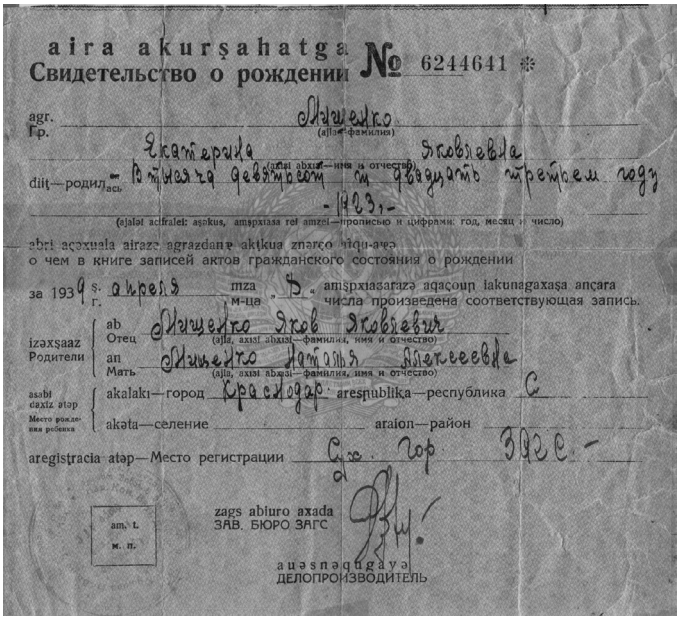
Тете Кате было за 80, когда она решилась все же изложить на бумаге о том, что ее беспокоило больше всего. Как выяснилось, мы многого не знали. Не знали как они попали на Урал, а потом, в 1932 г., ког-

Две сестры: Екатерина Яковлевна и Евгения Яковлевна

да свирепствовал страшный голод, попали в спасительную Абхазию, в Сухум, в котором, несмотря на трудности, можно было выживать. Сестры часто вспоминали дядю Стешу, жизнь которого трагически оборвалась. Как-то они показали фотографию молодого человека с открытым, светлым лицом. Впервые узнали, что полное имя Стеши было Стефан Алексеевич Гончаров. Он получил хорошее образование и работал инженером на металлургическом заводе под Ростовом, откуда, судя по всему, была родом его мама Варвара Дмитриевна. Эту сухую, строгую, невысокого роста старушку, я хорошо запомнил на веранде большого сухумского дома, в котором жила другая ее дочь шумная и веселая Екатерина Алексеевна Гончарова. К сожалению, маму своей матери Наталью Алексеевну Гончарову, я не помню – она умерла вскоре после моего рождения в 1953 г. в возрасте 55-ти лет. А вот прабабушку Варвару хорошо запомнил, – она врезалась в мою память, и я до сих пор ее часто вижу…

На заводе, где трудился дядя Стеша – Стефан было много русских немцев из расположенных рядом старых поселений. Из тех мест возможно была родом и его мама, Варвара Дмитриевна. Стефан и мамин брат Вася, который жил с ними, хорошо говорили по-немецки. Возможно это обстоятельство сыграло свою роль и инженер Стефан Гончаров был репрессирован в 30-е годы…

У тети Кати не хватило видимо душевных сил отметить многие другие события. Не смогла она написать и о злодейском убийстве своего зятя, выдающегося ученого-кавказоведа, археолога Юрия



aira akurşahatga
Свидетельство о рождении № 6244641

agr. Гр. Мищенко (ajla—фамилия)

Екатерина Яковлевна (axisi abxisi—имя и отчество)

diiţ—родилась Вторая девятьсот и двадцать третьем году

-1923,-

(ajaləl aciralei: aşəkus, amşpxiasa rei amzei—прописью и цифрами: год, месяц и число)

abri açəxuala airaza agrazdanə akţkua znərço ñiqu-açə
о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении

за 1939 г. ş. апреля mza м-ца „Ъ" amşpxiasarazə aqaçoup iakunagaxaşa ançara
числа произведена соответствующая запись.

izəxşaaz Родители
ab Отец Мищенко Яков Яковлевич (ajla, axisi abxisi—фамилия, имя и отчество)
an Мать Мищенко Наталья Алексеевна (ajla, axisi abxisi—фамилия, имя и отчество)

asabi daxiz atəp Место рождения ребенка
akalakı—город Краснодар aresnublika—республика С
akəta—селение araion—район

aregistracia atəp—Место регистрации Сух. Гор ЗАГС

am. t. м. п.

zags abiuro axada
ЗАВ. БЮРО ЗАГС

auəsnəqugayə
ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ

Свидетельство о рождении Екатерины Яковлевны

Николаевича Воронова, который погиб в Сухуме 11 сентября 1995 г. на пороге своей квартиры, на глазах у сына Николая и Екатерины Яковлевны. Эта трагедия нанесла тяжелейший удар и выбила из колеи всю семью на все оставшиеся годы.

Можно еще очень много говорить о лаконичных, ярких воспоминаниях тети Кати, о том, что ей довелось пережить во время вторжения войск Госсовета Грузии в Абхазию (1992–1993 гг.), о неоднократных погромах и разграблении квартиры гвардейцами.

Впрочем, обойдусь без лишних слов. Представленные воспоминания, наверняка произведут огромное впечатление на читателя.

P.S. *Стиль, орфография, пунктуация текста сохранены.*

Станислав Лакоба

* * *

26 января 2004 года я смотрю телепередачу 60 лет снятия блокады Ленинграда. Там женщина блокадница, рассказывала, что хорошо помнит как, она, девятилетняя девочка ходила по заснеженному городу, чтобы получить 125 грамм хлеба и видела страдание и смерть. И я почему-то вспомнила свое детство. Мне тоже было 9 лет, я уже жила в Сухуме с родителями. Это был 1932 или 1933 год я взяла хлебные карточки (по 200 гр. на душу) и пошла за хлебом, было холодно, лежал снег и лед, я пошла босая, не было обуви, большие старые мужские туфли падали с ног, я их не одела. Пришла к магазину, стала в очередь, но увидев что я босая пожалели и разрешили взять без очереди (осуждая мою маму). Ноги мои окоченели, я долго не могла согреться, пришла домой и горько плакала, а дом наш был - подвал неотапливаемый. Мне было обидно что маму осуждали не заслужено, она не была виновата в том, что не могла нас одеть и обуть, мы потеряли после ссылки все, отец болел и весной умер. Да, больно вспоминать свое детство. Маму я всегда защищала, горячо защищала, и ни в чем не винила и до сих пор жалею ее и люблю. Она жизнь отдала детям своим. В тридцать четыре года овдовела, а в пятьдесят пять умерла, не имея ни покоя, ни счастья, ни угла своего. Она любила меня и говорила, что хотела бы жить только со мной. Но не получилось. Мне 80 и я плачу. Многое еще можно вспомнить - и хорошее, и плохое, но больно.

Когда нас выселяли, это было в 1929 или 1930 году, мы, дети радовались, что поедем на паровозе (которого никогда не видели) не могли дождаться этого дня. Выбирали - какую куклу, и обязательно кошку. А мама плакала и по ночам почти не спала, чего-то ждала с тревогой, нам ничего не говорила. Пришли какие-то, арестовали папу, через несколько дней пришли забрали скот и сказали завтра ночью придем за вами будьте готовы, ничего не берите кроме теплой одежды, постели, миски и ложки.

Варвара Дмитриевна

Мы очень обрадовались, наконец-то поедем! Мама плакала. Пришла Кума (так называет мама эту женщину) она нас проводила. Ночью приехали за нами погрузили в телеги и мы поехали через поле с фонарями, кошка вырвалась и убежала, дома осталась только одна собака по

кличке «Дунай», он стоял на углу террасы и жалобно, протяжно выл, я громко плакала мне было его жаль, я смотрела на наш дом и видела в темноте силуэт воющего «Дуная». Этот вой запомнился мне на всю жизнь, я и сейчас его помню, слышу, и у меня наворачиваются слезы. Да, я думала о ней, как она там одна. Ждет нас? Наверно умерла от тоски и голода.

Мы жили в гор. Геленджике, нас везли в Новороссийск, я видела двигающийся бесконечный обоз с такими же семьями как мы.

В Новороссийске нас и других, погрузили в товарные вагоны, закрыли огромную дверь и мы тихо сидели в полумраке, в вагоне было много людей. (Мама не хотела заходить в вагон без папы, говорила, я никуда с детьми без мужа не поеду, были слезы, папу привели). В вагоне была чугунная печь, отапливалась углем. В пути были остановки, открывалась дверь люди выходили по нужде, и мы видели бесконечные заснеженные пространства. Когда приехали, вышли из вагона, нас опять посадили в телеги и мы поехали по заснеженному полю, снега было так много, что лошади еле-еле тянули, иногда нас снимали с телеги чтобы лошадям было легче выехать на ровное поле, а мы дети не могли идти, по пояс проваливались в снег, папа поочередно переносил нас к телеге. Это была деревня, мы жили в домике, отапливались кизяками которые были там (соседи говорили что из этого домика были высланы люди), родители нашли работу в каком-то совхозе или колхозе. Нас поселили в барак, то есть бывший клуб (даже сцена была), посередине был проход, а по сторонам жили семьи, много семей, перегородками между семьями – протянутые простыни или покрывала, кто чем мог, мы жили в углу слева от входа, и когда кто-либо открывал дверь нас обдавало холодом, мама просила: скорей закрывайте дверь!

Прожили зиму там, на Урале, название места не знаю (кажется Уральск) там протекала река Урал, но она не широкая, мы в ней однажды купались – я и сестра Вера.

Весной приехал за нами мамин брат, дядя Стеша [Стефан Алексеевич Гончаров] и увез нас с мамой к бабушке в Краснодар, а папа остался, он болел. Уехали мы тайно (так я поняла), потому что дядю Стешу мы должны были называть папой, иначе нас из вагона высадят. Папа приехал потом. Потом бабушка отвезла нас в станицу, Марьянскую, к дяде Коле [Николай Алексеевич Гончаров], маминому брату. Зиму жили там.

Папа написал письмо маме, чтобы мы ехали в г. Сухум, он будет встречать. Из станицы приехали на пароме в Краснодар, прямо на вокзал, сели в вагон, а брат Вася, остался с бабушкой на перроне. Бабушка и Вася будут жить у дяди Стеши. Мама, прощаясь с Васей, плакала и махала рукой из вагона. На вокзале, в Новороссийске,

много народу ждали пароход (так тогда называли теплоход). Мы погрузились на палубу и приехали в г. Сухум. Когда мы ехали на пароходе, она плакала, жалела, что оставила Васю с бабушкой. У дяди Стеши не было детей, и он очень хотел мальчика.

Когда папа привез нас к домику, где договорился, хозяйка, увидев столько детей завопила, замахала руками и не пустила, мы ушли, был вечер, так мы остались ночевать на улице под открытым небом. Моросил дождь, мама нас чем-то накрывала, а утром папа пошел искать жилье. Пришел, сказал, что мы будем временно жить в сарае для сушки табака (нас пожалел один армянин). Это было в Сухуме, в районе Лечкопа. С детьми никто не пускает. Скоро мама и папа устроились на работу в больницу, там дали нам жилье, в подвале. Это было ужасно, половина окна находилась в подвале, а из верхней части еле-еле проникал свет, стены и пол цементные и не отапливался. У мамы очень колени болели, ноги, ревматизм развился. Папа после операции был слаб и тяжелую работу не мог выполнять. Он устроился сторожем в обезъяний питомник и там жил, мы приходили к нему, но он не был рад, почему-то? Или потому что ничем помочь не мог...

В 1932 г. или 1933 году он умер в инфекционной больнице, на Маяке, от дизентерии, похоронили его на Сухумском кладбище (как оно называлось, я не помню). Это в сторону Синопа. Потом его закрыли, снесли. Была там турбаза, а сейчас «Айтар» - база миротворцев (после войны 1992–1993 гг. между Абхазией и Грузией).

Вскоре мама получила от бабушки письмо, где она писала что дядя Стеша погиб, случайно, по неосторожности попал под поезд, здесь она писала, страшный голод, мы голодаем. Через какое-то время приехали бабушка и братик Вася опухшие от голода. Бабушка и мама о чем-то шептались, плакали, но ничего не рассказывали. Мама всегда была грустная, молчаливая и настороженная, мы глядя на нее тоже были замкнуты. На вопросы, мы отвечали, что приехали сюда в связи с болезнью отца.

О том, что были высланы, кое-кому говорили, по секрету, только после смерти Сталина, при Хрущеве. Мама не говорила почти ничего о себе, отце. Она была напугана и насторожена, после высылки. Уставшая. А вот, моя крестная, тетя Катя рассказала что дядя Стеша не попал под поезд (правду нельзя было говорить), а его расстреляли, пришли ночью, забрали и больше его никто не видел и не слышал, где, за что, мы не знаем. От тети Кати и мамы я узнала что дядя Стеша работал на станкостроительном заводе в немецкой колонии под г. Ростовом, инженером, знал немецкий язык, бабушка и Вася жили у него, а когда арестовали дядю, бабушку, т.е. маму

дяди Стеши и Васю, выгнали на улицу в чем были и они, скитаясь, голодали (тогда в России был голод). Опухшие от голода приехали в Сухум. В Сухум приехала и тетя Катя, она убежала из Новороссийска (там она жила) как только ее мужа арестовали. О нем тоже ничего не было известно, наверное расстреляли. Это было в тридцатые годы. Его, Леонида, арестовали прямо на работе, а тетю Катю предупредили соседи или сослуживцы. Тетя бросила все и убежала (села на теплоход). Расстреляли и мужа папиной сестры. У них все отобрали, раскулачили и выслали. Жили они богато, в Геленджике, была своя водяная мельница и много скота, земли, хороший дом. Муж папиной сестры тети Марии с младшим сыном убежали в Сухум, а тетю Марию с сыном Леней и его женой и маленьким сыном выслали тоже на Урал, дальше чем нас. Они тоже потом уехали в Сухум. Очень бедствовали. Тетя Мария скоро умерла, а Андрей и Леня работали, у Андрея была дочь, а у Лени сын Алик. В Великую Отечественную войну 1941–1945 г. Леня ушел на фронт, а Алика отдали в Суворовскую школу. О них тоже многое можно вспомнить.

После смерти отца мама продолжала работать в больнице санитаркой, в выходные дни она ходила подрабатывать (стирала белье), приходила уставшая, работала с утра до вечера, руки растертые до ран. Утром опять идти в больницу работать. Жили в холодном и сыром подвале. То, что мама зарабатывала хватало на хлеб еле-еле на всех нас. Хамсу соленую и самое дешевое повидло, мазали тонким слоем на хлеб и были счастливы. Женю, младшую сестру, мама водила в детский сад. В школу я не ходила, не было одежды и обуви, мама нашла другую работу где обеспечивали жильем в бараке. Это в Синопе на подсобном хозяйстве. (Тогда в Синопе был дом отдыха). Во время войны госпиталь, и после войны там работали немцы [имеются в виду немецкие ученые, которые в 1945 –1955 гг. были задействованы в Сухуми в «атомном проекте»], потом они уехали.

В 1935 году бабушка говорит маме: знаешь, я встретила дочь моей хорошей приятельницы, она мне как родственница, Оля ее зовут. У нее мужа арестовали. Оля осталась одна, и вот-вот должна родить, пусть Катя поживет у нее. Оле одной страшно, да и тебе будет легче. Мама согласилась. Я была очень рада, что маме без меня будет легче. Так я стала жить у Оли, я называла ее «тетя Оля». 1935 г. – родилась Света, так назвали Ольгину дочь. Мы жили втроем, все делили пополам и радости, и невзгоды.

В школу общеобразовательную я уже переросла за эти годы скитаний. Хотела научиться шить, очень любила я шить (куклам выдумывала, шила). Мама повела меня в школу кройки и шитья. Мне

не было 16 лет и меня еле-еле приняла директор, сказала, здесь в куклы не играют, занимайся хорошо. В общем, мама уговорила, директор была добрая, пожалела, платила я полцены 30 рублей в месяц. Занималась я лучше всех, закончила через год (это годичные курсы) на пять. Хотела устроиться на работу, не получилось, начала соседям кое-что шить, кто платил, а кто не платил, но я любила шить.

Я прочла в газете объявление: о приеме учащихся в вечернюю школу рабочей молодежи. Я обрадовалась, подала заявление. Принимали в 5 класс и старше, а у меня только 3 класса. На экзамене по русскому и математике я получила двойки. Но зав. учебной части Емельянов меня пожалел и сказал: походи месяц, сможешь, зачислим. И … очень старалась, училась на пятерки по всем предметам, кроме русского, уж очень много делала ошибок, потом исправилась стала получать четверки по письму, а устные предметы на 5. С похвальной грамотой перешла в 6-й и в 7-й классы. Потом началась война в 1941 году, а в 1942 г. школу закрыли. В 1943 г. я пошла работать на Сухумский судоремонтный завод. Специальности у меня не было, я была зачислена разнорабочей, а работала кладовщиком в цехе №5, меня очень любили, я старалась, была мастером цеха, была нормировщиком, имела много благодарностей и премий. Вступила в комсомол, потом кандидатом в члены КПСС, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941–1945 г.» В 1947 г., после войны, уволена по сокращению штата. Вскоре завод переправили в Новороссийск, в общем закрыли. На заводе я познакомилась с человеком, который меня полюбил. Он вернулся с войны и работал на заводе начальником электростанции (на заводе была своя электростанция). Он инженер-электрик Хочолава Владимир Николаевич. Замечательный человек, я его тоже полюбила. Он был старше меня на 12 лет.

В 1948 году мы поженились, я перешла жить в его семью – мать и сестра, мы счастливо прожили 39 лет оба трудились, все начинали с нуля, после войны жизнь не баловала нас, во многом нуждались, но там, где мир, согласие и любовь все преодолимо, я на судьбу не жалуюсь. У нас прекрасная дочь Светлана и двое внуков – Ника и Тамара тоже прекрасные.

* * *

Для меня начались кошмарные минуты, часы, дни, как только увезли Тамару. Это было 17 августа, т.е. на третий день войны. [14 августа 1992 г. войска Госсовета Грузии вторглись в Абхазию]. Она вышла со двора в сопровождении шести вооруженных солдат, ее посадили в грузовую машину под большим российским флагом и увезли

в неизвестность. Она в легком летнем платье, с маленькой сумкой в руке, куда, где будет жить, и вообще доедет ли куда-нибудь и когда?

Каждый день ждала успокоительного звонка от отца [депутата Верховного Совета Республики Абхазия, известного археолога Юрия Николаевича Воронова], и только 23 августа я узнала, что она в безопасном месте. Я успокоилась. Как только уехала Тамара, прибежала соседка, ужасно взволнованная, с трудом произнесла слова: куда же Тамару бедную увезли, я успокоила ее, это говорю свои. Но нашлись и такие, которые кричали: этот мерзавец Воронов, своих детей увез, под флагом, а наши пусть здесь погибают! И много оскорблений лилось в адрес Воронова. Одна из соседок, Софа, что-то сказала в защиту Воронова, но в ответ получила массу незаслуженных оскорблений и угроз. Она притихла, и первым же самолетом уехала всей семьей в Израиль, бросив квартиру и все.

Я почти каждый день у себя под окном слышала враждебные слова в адрес Воронова, произнесенные на русском языке, это чтобы я слышала, но жизнь шла своим чередом, нужно было ходить за хлебом в очередь, за водой и т.д. Одни на меня смотрели враждебно, не замечали, не здоровались, но много было и сочувствующих и дружелюбных. И так было до девятого октября. 9 октября [1992 г.], около 7 вечера, подъехали две или три легковых автомашины, вышли человек десять вооруженных гвардейцев, у одного в руках был список, он указал пальцем и произнес – Воронов, все вошли в первый подъезд. (Это мне потом сказали соседи, которые с ужасом ждали что же будет). Я поставила печь хлеб на электроплитку и вышла к золовке [Ольга Николаевна Хочолава, преподаватель музыки Сухумского музучилища] напротив, у нее была Анна Саркисовна, соседка. Она первая услышала стук в дверь, мы открыли дверь, говорим, что Воронова здесь нет, они начали ломать дверь, я говорю, вот ключ, я открою, а они, мы сами откроем, уходите и не высовывайтесь, а то застрелим, их было много, с автоматами, злые, нет, разъяренные, начали с разбега бить ногами в дверь, поломав ее. Все вошли в квартиру, один с автоматом остался около двери и начался погром, звон стекол, треск, выстрелы, это продолжалось часа полтора-два. Потом все утихло, они ушли, я подошла к двери и замерла, такого погрома я не видела ни в одном кинофильме - все разбито, поломано, перевернуто, наступить было некуда. Пришли соседи Таня Тарба, Валя Яровая, Лена гречанка, фамилию не знаю, Оля Габлая, Роза Цомая и другие, все были в ужасе, пытались меня успокоить, а я, говорили они мне потом, смеялась.

Все самое ценное украли, унесли. Потом поднялись Нона и Марина они мне сочувствовали, кое-что около серванта собрали с пола уцелевшее, и предложили помочь мне в уборке. Я сама убрала,

и до боли было мне жаль моих детей, Юру, Свету, потерявших, то что приобреталось десятилетиями, и хранилось поколениями сто лет. И более я не буду говорить о Юриных трудах, научной библиотеке, архиве – это вся его жизнь. Все было на полу, разбросано, перевернуто, разбито, поломано, порвано, растоптано, украдено, а в январе [1993 г.] дважды приходили с обыском (искали оружие и какие-то документы, карты). Первый раз 25 января, второй, через два или три дня, на мой вопрос, кто их послал, они ответили, что из госбезопасности и показали красное удостоверение. Один назвал себя – Славик Убирия. Он все причитал, ох Юра, Юра он все горы обошел, знает каждую тропинку, он имеет карты, карту. Я говорю, он археолог и карта археологическая, а он, знаем какая археологическая и т.п.

В середине ноября [1992 г.] пришли 4 или 5 гвардейцев с автоматами, заявили, что они из комендатуры пришли вселить женщину с детьми и сами будут здесь жить, в квартире Воронова. Требовали ключ, я ключ не дала, сказала, что эта квартира моя, не Воронова и я здесь живу, пойду сама к коменданту и выясню. Вели себя грубо, дерзко, пошло выражались, один ходил по комнатам и что-то искал, уходя нацарапали на двери на грузинском языке: здесь живут гвардейцы. Сказали что завтра придут. Но завтра они не пришли. Это было в субботу. Я попросила Мадлену Джапаридзе пойти со мной в комендатуру. Комендант г-н Гамзардия спокойно выслушал Мадлену. Она говорила по-грузински, объяснила, что эта квартира не Воронова и т.д. Он сказал, что они не посылали никого, это самодеятельные, если еще придут, звоните, а потом сказал: меня содрогает, когда я слышу эту фамилию, а я не могла понять, почему их содрогает, что плохого сделал мой зять. Почему его боятся. Все время мы жили в страхе, боялись каждого стука в дверь. Как только появлялись гвардейцы с автоматами во дворе, я ждала стука в дверь, несколько раз я не открывала, они угрожали поломать дверь. В декабре или начале января они все-таки поломали замок, вошли в квартиру и ограбили. Я позвала соседей по этажу, забили дверь гвоздями. Я ночевала у Ольги. Утром позвонили нашим друзьям. Это замечательные наши Володя [Левинтас] и Циала. Они пришли и опять выручили – прислав мастера, и морально вселяли нам надежду на светлое.

В феврале, марте, несколько раз стучали и настойчиво требовали открыть дверь к Мамиде [так называли О.Н. Хочолава], я тоже была у нее, они говорили: бабушки откройте (значит знали кто здесь живет) мы не открывали. Но им удалось нас обмануть, 17 марта [1993 г.] около 10 утра, постучав и назвав себя именем соседа, я открыла дверь, у Ольги был ученик, она занималась с ним, в комнату вошли четыре гвардейца сказали, что они из комендатуры пришли искать оружие. Что теща имеет связь с Вороновым, с Гудаутой.

Один подошел к мальчику, Даурчику [Даур Пачулия], схватил за плечо, а это сын Воронова, Даур испугался, побледнел, я объяснила, кто этот мальчик, назвала фамилию, попросила отпустить мальчика домой, гвардеец посадил мальчика на кушетку и сказал, он не уйдет отсюда пока мы здесь. Мне и Ольге приказал сидеть на месте, достал гранату лимонку из кармана, сказал, если она взорвется, то взлетит пол подъезда (я подумала, с тобой вместе). Каждое слово сопровождалось грубой, пошлой бранью, оскорблениями, угрозами, меня угрожал застрелить за то, что я якобы имею связь с Гудаутой, и им это известно, что я должна признаться. Я отрицала, потому что никакой связи я не имела, меня заставил написать расписку и предупредил, если я говорю неправду, то повезут меня на мост Гумистинский и там, на глазах у Воронова, расстреляют, что Воронов на Гумисте бегает с автоматом и убивает грузин. Пока мы сидели в лоджии, в комнатах шел обыск или грабеж, последний вышел тот, кто держал в руке лимонку, а мы отпустили Даура и закрыли дверь.

Светлана ХОЧОЛАВА-ВОРОНОВА

ВОСПОМИНАНИЯ

13 августа я поехала на Каштак, где уже несколько дней был Ника. 14 утром мы купались с ним в море, когда услышали грохот и стрельбу, что-то падало в море и вокруг нас, мы не поняли сначала, оказалось, что пули . Стреляли из танков, которые вереницей шли в сторону города. До 21 мы были там и только с третьей попытки смогли пройти пешком в город. Кругом уже были гвардейцы, особенно в районе турбазы. Троллейбусы были перевёрнуты, шли толпы людей, в основном армяне, с пожитками из сел Лабра и Атара Армянская. Зачем-то тащили за собой на тележках постельное белье - матрасы, одеяла, подушки… В одном из зданий санатория ПВО [у Красного моста], на верхнем этаже зияла дыра от снаряда, говорили, что он попал в номер и погибли молодожёны. По рельсам шла женщина с ребёнком, которая тоже была убита ... Нас сопровождал Володя Орёлкин до города. Набережная была заполнена армянами, приходилось переступать через их пожитки. Это был день, когда отправлялся последний корабль. Кажется, 21 августа. Мы дошли до Левинтаса [друг Ю.Н. Воронова], оттуда позвонили маме, она сказала, пока сидите там, во дворе полно гвардейцев. Потом позвонила и сказала, идите, они ушли. Мы пришли домой, очень боялись, что нас кто-то узнает, а рано утром в 5 или 6 утра за нами приехал Володя Левинтас и отвёз на Маяк, оттуда отходил катер. Там тоже было не протолкнуться, но мы все-таки втиснулись, хоть катер так сильно от тяжести погрузился в воду, что казалось сейчас пойдёт ко дну. Столько было людей. Доехали до Адлера, боялись, что нас обстреляют, так как летали над нами самолёты. Но все же попали не в нас, а в другой катер, где ехала моя соседка с двумя детьми. Их, раненных, доставили в Адлерскую больницу. Об этом я узнала позже. Ну а мы благополучно добрались до вокзала, сели в поезд и поехали в Москву. Вот коротко, без подробностей.

Разгром личного архива Ю.Н. Воронова и квартиры С.В. Хочолава-Вороновой

НАПО МЕСХИЯ О ШЕВАРДНАДЗЕ: СУХУМ 25 СЕНТЯБРЯ 1993 ГОДА

В 2011 г. в переводе на русский язык в Тбилиси вышла книга воспоминаний грузинского политического и общественного деятеля Напо (Наполеона) Месхия «Как отторгалась Абхазия», посвященная военным событиям 1992–1993 годов. Ее автор известный нейрохирург, ставший осенью 1991 г. депутатом Верховного Совета Абхазии, одним из лидеров ее грузинской фракции.

В своем вступлении автор отмечает: «Абхазская трагедия – это результат безумной и преступной, граничащей с прямым предательством, внутренней и внешней политики грузинского руководства, пришедшего к власти путем военного переворота» (С. 3).

Напо Месхия справедливо осуждает руководителей Госсовета Грузии за карательные действия в Мегрелии накануне вторжения в Абхазию, дает негативную оценку поведению грузинской фракции в парламенте, подробно рассказывает о противоречиях и расколе в среде депутатского корпуса, о тех, функционерах, которые играли деструктивную роль в нагнетании напряженности, приведшей к конфликту и войне Грузии против Абхазии.

Вообще надо особо отметить, что предлагаемый автором «взгляд изнутри» – безусловно смелый и достойный шаг врача и депутата Напо Месхия. Конечно, с рядом его оценок и подходов трудно согласиться, но в целом книга - важный вклад в новейшую историю Абхазии и Грузии.

Мое внимание особенно привлекло очень яркое описание последних дней войны в сентябре 1993 г. и психологически тонкое наблюдение за поведением «белого лиса» Шеварднадзе. В этот критический момент Напо Месхия блестяще показал особенные черты характера этого политика, который подставил всех ради спасения своей жизни.

Впрочем, читатель и сам сделает свои выводы…

Станислав Лакоба, депутат Верховного Совета - Парламента Республики Абхазия 1991–1996 гг.

…В тот вечер [25 сентября 1993 г.] Гено [генерал Гено Адамия] выглядел несколько уставшим и подавленным. Оказывается, он только что вернулся с расширенного совещания, которое состоялось несколько часов назад в бункере подземной лаборатории Агу-

дзерского Физико-технического института и был весьма озабочен и подавлен. Он встревоженно рассказывал о том, что происходило на этом совещании и о том, что ждало нас впереди.

По его информации война была проиграна. На совещании были известные лица: Джаба Иоселиани, министр обороны Гия Каркарашвили, другие министры, генералы и т.д. На совещании присутствовал и Жиули Шартава.

Эдуард Шеварднадзе в бункер вошел, оказывается, с некоторым опозданием. Его место, ведущего совещание, занял Джаба Иоселиани. Для господина Шеварднадзе подыскали, оказывается, другое место, и совещание провел, фактически, Джаба Иоселиани.

– Сейчас не начинай нам рассказывать о «демократии-мемократии», Сухум фактически потерян, сегодня или завтра он падет. Что намереваешься делать?! – спросил он Шеварднадзе.

– Что должен делать, находимся в котловане, оторваны от внешнего мира. Должен вылететь в Тбилиси, надо связаться с Америкой, с Ельциным и что-нибудь предпринять. Не будем же сидеть сложа руки?! – таков был ответ Шеварднадзе и никакого разговора о безопасности населения, о создании второго фронта на Мачарке или Кодори и т.д.

В разговор вмешался, оказывается, Гия Каркарашвили:

– Я уже не министр обороны, я в отставке. Этого же советую вам! Я возьму батальон и двинусь в направлении Сухуми, – сказал он.

– Как можно сразу всем в отставку? Что, страну оставим без руководства? – сказал, оказывается, Шеварднадзе, подобрав плачи.

В это время зал зашумел, загудел!

Растерянность Главы государства и его готовность бежать с поля брани, привели в замешательство всех. Дальше кто что говорил, не имело значения. Никто ничего не понимал. Но в памяти Гено Адамия запечатлелись слова, которые касались Жиули Шартава. Он, оказывается, спросил:

– Что говорим народу? Оставляем его беззащитным, бесхозным, лицом к лицу с врагом?!

Всеобщее молчание! Ответа ни от кого!

– Я возвращаюсь в Сухуми! Там ждут меня мои сослуживцы, мои боевые друзья, и я не оставлю их в беде! – сказал, оказывается, Цотне Дадиани наших дней и вышел из зала…

– Надо! Кто-то должен ведь остаться. И во время войны нужен диалог! - вослед, вдогонку уходящего Жиули бросил, оказывается, Шеварднадзе – человек, который затеял это безумие, оставил беззащитный народ лицом к лицу с врагом, а теперь спасался бегством.

* * *

<…> Вечером [первые месяцы войны] я посетил Жиули Шартава и поделился информацией, которой располагал. Он просил усилить деловые контакты с представителями абхазской стороны. Затем я спросил его: « Батоно Жиули, какую информацию привез из Тбилиси Сандро Кавсадзе?» Он вдруг замолчал, потом посмотрел на меня и говорит: «Какого мнения ты о Звиаде Гамсахурдия и об Эдуарде Шеварднадзе?» Я не ожидал такого поворота и не сразу нашелся, что сказать, потом собрался с мыслями и охарактеризовал их такими, какими выглядели они в глазах общественности… Видно, у меня получилась пространная речь, а он ждал, видимо, более лаконичного ответа, поэтому остановил меня и говорит: «Напо, знаешь кто такой Шеварднадзе? Это коварная личность! Это тот человек, который может убить твоего единственного сына, затем первым придет к тебе на соболезнование и станет рядом, чтобы разделить твое горе!» Я опешил, эти слова обезоружили и озадачили меня…

Может и раньше говорил он подобные слова и, может, потому оставили его лицом к лицу с разъяренным врагом, когда другие бежали, очертя голову и опережая друг друга, из Абхазии.

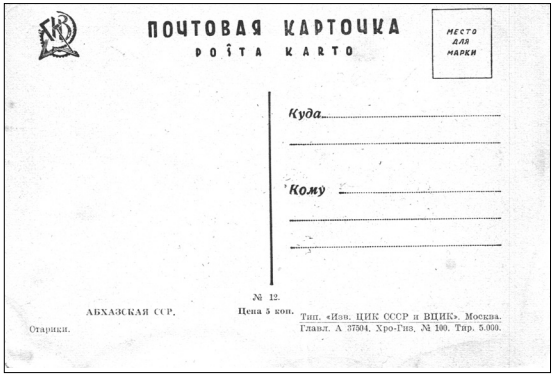
* * *

<…>Никому и не понадобились мои советы [после войны] и остался фактически невостребованным, без функции. Помню только один раз 27 сентября, в день падения Сухуми вспомнил меня государственный министр Важа Лорткипанидзе и говорит мне по телефону: «Батоно Напо, сегодня ведь день падения Сухуми, не хотите поехать к мемориальным местам?» Он уступил мне свою служебную машину и в составе президентского кортежа, направились в Ваке, в первую очередь, к могиле национального героя Грузии, Жиули Шартава. Здесь рядом с господином Шеварднадзе, чуть поодаль, стояли председатель парламента Зураб Жвания, государственный министр Важа Лорткипанидзе и мэр города Тбилиси Вано Зоделава… Предпочел быть рядом с близкими покойного и приблизился к Калистрату – отцу национального героя. Стал рядом с ним, возле могилы. Здесь все мы слушаем изумительно-поражающие причитания матери Жиули: «Нет, сын мой, Жиули, тебя Эдуард не убил бы, сынок! Как поверить, что он предал тебя?! Чего только не говорят, что только не пишут?! Будто специально оставил тебя в осажденном Сухуми, зная, что он падет, а ты окажешься в ловушке! Как поверить

в это, сын мой! Ты же его воспитанник! Нет, мне трудно в это поверить, но сердцем матери чувствую, что это похоже на правду, на предательство. Неужели, сын мой?!..» Это слышали все здесь стоящие. Посмотрел я в сторону высокопоставленных: Шеварднадзе ни разу не повернулся в сторону причитающей матери. Они стояли и продолжали о чем-то беседовать. Отец же Жиули весь дрожал, сжался весь, видел как сжималось у него сердце, каждая мышца на слова супруги. Боялся, чтобы не стало ему плохо, поэтому приблизился к нему, подошел поближе. Минут через 10–15 «большая» четверка направилась к выходу, приблизилась к могиле и господин Шеварднадзе обнял мать Жиули, погладил по головке маленького Жиули – внука легендарного Жиули Шартава и приблизился к нам. Я сделал шаг назад, чтобы дать им пройти. Они прошли мимо отца Жиули Калистрата, к моему удивлению, так и не попрощавшись с ним, и остановились передо мной. Господин Шеварднадзе приблизился и обнял меня. Я был поражен!..

Я долго ходил под впечатлением этого дня. Вот тогда я вспомнил слова покойного Жиули, сказанные им в тот вечер, в Сухуми – его точную и лаконичную характеристику Эдуарда Шеварднадзе.

(Напо Месхия. Как отторгалась Абхазия. Тбилиси. 2011. С. 87–88, 163–164, 166–167)



Открытка 1920-х годов: «Абхазская ССР. Старики».
По свидетельству этнолога М. Барцыц: слева – Камгаз Барцыц, справа – Кадыр Бения-Кехир-ипа (тесть Василия Лакоба)

Бакалейно-табачная торговля Харлампия Ашатиди «Реноме», по ул. Свободы (ныне проспект Леона). Сухум, 1929 г.
Крайний слева, курит – Нестор Лакоба, стоит на втором плане – Сария Лакоба. В кадр попал и шакал, живший в доме Нестора.
Автор фотографии – знаменитый этнограф Евгений Шиллинг.

Сухум. 30 октября 2024. Апсныпресс. 30 октября в Абхазии отмечают День памяти жертв политических репрессий.

Церемония возложения цветов к памятнику жертвам политических репрессий состоялась в сквере им. Сарии Лакоба напротив здания Парламента. Цветы возложили президент Аслан Бжания, члены Правительства, депутаты Парламента, представители общественности. «Мы никогда не должны забывать о трагедии 30–40-х годов прошлого столетия», – сказал Герой Абхазии, вице-спикер Парламента Фазлыбей Авидзба. «В 1937–1938 годах абхазскую интеллигенцию, ученых, видных политических и государственных деятелей подвергали гонениям, сажали в тюрьмы, объявляли без вины виноватыми», – отметил Авидзба. По его словам, это время было очень тяжелым в истории Абхазии. «Мы всегда должны помнить о безвинных жертвах сталинско-бериевских репрессий, рассказывать подрастающим поколениям об ужасах того времени», – сказал Авидзба.

Более семи тысяч человек были репрессированы в Абхазии в 30–40-е годы XX века.

* * *

Сухум. 5 ноября 2024. Апсныпресс. Банк Абхазии выпустил в обращение памятные монеты «150 лет Дмитрию Гулиа» и «Сария Лакоба». Памятная монета достоинством в 50 апсаров «150 лет Дмитрию Гулиа» выпущена тиражом 100 штук, изготовлена из серебра 925 пробы с золочением. На аверсе монеты в правом сегменте поля монеты расположено изображение античной дорической колонны. На колонне размещены государственный герб Республики Абхазия и надпись «Аԥсны Абанк». По диагонали в нижней части колонна пересекается декоративным элементом, символизирующим творческий путь просветителя Абхазии Дмитрия Гулиа. В правом сегменте поля монеты трехстрочная надпись 50 псар 2024. На реверсе центральную часть поля монеты занимает рельефный профильный портрет Д.И. Гулиа на фоне геометрического орнамента. В правом сегменте отчеканены стихотворение Д.И. Гулиа, его автограф и юбилейная цифра «150 ш». В нижней части монеты отчеканены в две

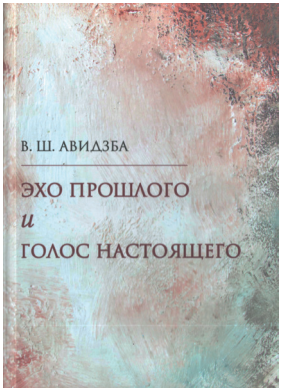
строки даты 1874:2024. Монета изготовлена из серебра 925 пробы. Вес металла в чистоте составляет 5 oz (155,5 +/-). Правый сегмент реверса монеты и кант реверса позолочены. Монета достоинством в 10 апсаров «Сария Лакоба» выпущена тиражом 200 штук, изготовлена из серебра 925 пробы. На аверсе в верхней центральной части на зеркальном поле расположено рельефное изображение государственного герба Республики Абхазия, под ним надпись на абхазском языке «Аҧсны Абанк», над гербом полукругом надписи, обозначающие номинал монеты – 10 апсаров. В нижней части монеты обозначен год чеканки – 2024. На реверсе поле монеты по диагонали разделено на две части прямой полосой, проходящей от 1 часа до 7 часа. В правом сегменте монеты на матовом фоне изображен рельефный профильный портрет Сарии Лакоба. В левом сегменте монеты на полированном поле методом лазерной гравировки выполнено изображение реверса монеты «Нестор Лакоба» 2018 г. выпуска, а также надпись в четыре строки 1904 1939 Сариа Лакоба.

Дата 1939 выполнена красной тампопечатью. Художник обеих монет – Батал Джапуа. Монеты отчеканены на Московском монетном дворе Гознака России.

* * *

27 декабря 2024 г. В Абхазском государственном университете, на историческом факультете, открыт бюст выдающегося политического и государственного деятеля Абхазии Нестора Аполлоновича Лакоба.

Автор скульптуры – Юрий Чкадуа.

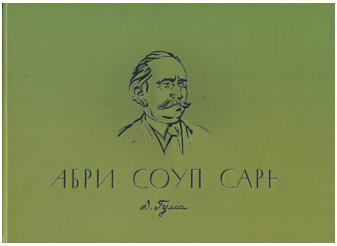


Авидзба В.Ш. Эхо прошлого и голос настоящего: Сборник статей / Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, АНА. Сухум: РУП «Дом печати», 2024. 264 с.

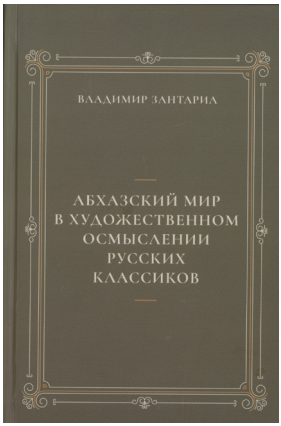
В книгу вошли опубликованные автором в последние годы работы в различных журналах и сборниках, а также новые статьи и рецензии. Она объединяет ряд биографических очерков о деятелях науки и литературы, статьи о русско-абхазских литературных взаимоотношениях, рассказывает о книгах, посвященных Абхазии и некоторых энциклопедических изданиях. Сборник рассчитан на филологов, культурологов, историков и тех, кто интересуется культурой и историей Абхазии.

Бебиа Е.Г. Не забыть, чтобы не повторилось... Сухум – Краснодар, 2024. 480 с.

Посвящается жителям и выходцам из сел Калдахуара, Абгархыку, Звандрипш, Уатхара Гудаутского района, Бзыпта Гагрского района, Атара, Пакуаш, Члоу, Отап Очамчырского района Абхазии, подвергшимся политическим репрессиям в 30–40-е годы XX века. Третья книга серии «Жертвы политических репрессий в Абхазии».



Вот кто я...: К 150-летию со дня рождения Д.И. Гулиа. [Фотоальбом]. Сухум, 2024. 152 с. На абхазском языке.



Зантариа В.К. Абхазский мир в художественном осмыслении русских классиков: Опыт историко-литературоведческого исследования / Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, АНА. Сухум: Дом печати, 2024. 288 с.

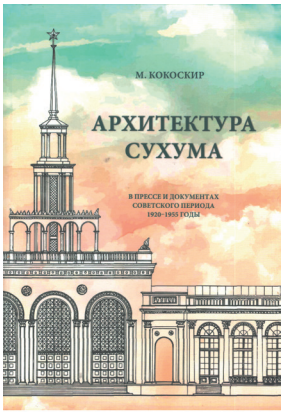
В книгу доктора филологических наук, академика Академии наук Абхазии, лауреата Государственной премии им. Д.И. Гулиа Владимира Константиновича Зантариа вошли статьи, эссе, очерки, раскрывающие процесс формирования уникальной хроники творческих взаимосвязей абхазских и русских писателей. В исследовании в качестве фактографического подспорья использованы стихотворения, рассказы, повести, публицистика, письма, дневники, материалы личной переписки известных абхазских, русских и других национальных авторов, внесших значительный вклад в развитие традиционных творческих взаимосвязей писателей России и Абхазии. Таким образом, поэт, прозаик, публицист, ученый Владимир Зантариа пополнил фонд литературы, посвященный исследованию абхазской тематики в русской лилитературе, а также в литературе народов бывшего СССР.

Абхазский государственный музей: путеводитель / Редактор: А.И. Джопуа. – Сухум, 2024. – 31 с.

Путеводитель «Абхазский государственный музей» предлагает читателю историю становления музея как научно-исследовательского, культурно-просветительского центра, хранилища памятников естественной истории, материальной и духовной культуры абхазов – этноса, издревле населявшего территорию Абхазии.

Возба С.З. Генеалогическое древо рода Возба / АбИГИ им. Д. И. Гулиа АНА. Сухум, 2025. 64 с.

Генеалогическое древо фамилии рода Возба – это схематическое изображение родственных связей, где представлены 8–10 колен по разным ветвям В работе имеются схемы, фотографии, письма, дневники и материалы из газет разных лет. Книга адресована исследователям, занимающимся историей, широкому кругу читателей, интересующихся генеалогией, «повседневной историей».



Кококскир М.Д. Архитектура Сухума: в прессе и документах советского периода (1920–1955 гг.). – Сухум, 2024. – 264 с.

В абхазской историографии архитектура Сухума советского периода не была исследована. Однако именно в советский период появились многие знаковые строения Сухума. В данной книге исследована объемная архитектура, комплексно исследована тема ландшафтной архитектуры советского Сухума, которая в науке Абхазии еще мало изучена. Выделяются и описываются характерные особенности садово-паркового искусства Сухума. Значительное внимание уделено строительству новых улиц города, расширению старых улиц. Рассмотрены объекты малой архитектурной формы: мосты, общественные лестницы, перголы и беседки в парках. В книге рассматриваются ключевые этапы строительства набережной, колоннады, морских причалов. Особо выделены архитектурные сооружения Сухума, выполненные методом «народной стройки», ведь Советский Сухум строился всем многонациональным народом Абхазии. Данная книга будет интересна тем, кто интересуется историей города Сухума.

НЕСТОР

Альманах
№ 5

Верстка – *К.И. Бигвава*
Обложка – *А.З. Лабахуа*

Фото на обложке:
В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница «Абхазия»
(архитекторы А.В. Щуко и В.Г. Гельфрейх)
и высажена аллея пальм «Вашингтония» в октябре 1936 г.

Формат 60х90 $^{1}/_{16}$. Усл.печ.л.7,25. Тираж экз.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК